

Джонни Рэйвэн
✕ Книга Эпох ✕

Из Товарда
в Ленцит

Джонни Рэйвэн Из Товарда в Ленциг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29802454

ISBN 9785448550690

Аннотация

Ночь. Лесная стоянка. Тепло костра и полная луна над головой. Рыцарь Тальес, командующий разношёрстным обозом, пытается удержать путешественников от назревающего конфликта. Не так-то это и просто, учитывая их различия – здесь есть как люди, так и нелюди: северянин-велиманн, зеленокожий яларг, остроухие альхэ и бородатые низкорослики. В надежде удержать шаткий мир, рыцарь просит безымянного старика рассказать путникам какую-нибудь историю, ещё не зная, что историй этой ночью будет много...

Содержание

Гимн Сказителя	6
Пролог	7
Глава Первая	12
Гортуна	35
Глава Вторая	66
Рассвет на пути к вечности	74
Конец ознакомительного фрагмента.	91

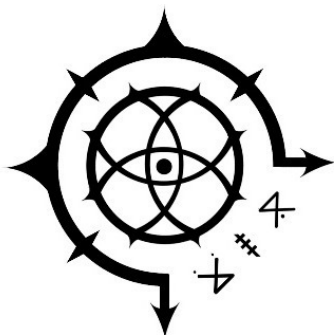
Из Товарда в Ленциг

Джонни Рэйвэн

© Джонни Рэйвэн, 2018

ISBN 978-5-4485-5069-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ночь. Лесная стоянка. Тепло костра, аромат мясной похлёбки и полная луна над головой. Благородный рыцарь Тальес, командующий разношёрстным караваном путни-

ков, всеми правдами и неправдами пытается удержать путешественников от назревающего конфликта. Не так-то это и просто, учитывая их различия – здесь есть как люди, так и нелюди: северянин-велиманн, зеленокожий яларг, остроухие альхэ и бородатые низкорослики. В надежде удержать шаткий мир рыцарь просит безымянного старика рассказать путникам какую-нибудь историю, еще не зная, что историй этой ночью будет много...»

Гимн Сказителя

*В тот час, когда небесное светило
Коснётся крыши своим нетленным краем, ты вспомнишь,
как она всегда манила, от серых будней вмиг тебя спасая*

*Она, в ком жив и жить вовеки будет
чудесный мир без правил и границ, та самая, кто никого
не судит, рисуя в памяти черты знакомых лиц*

*Она хранит высокие вершины
дворцов, великолепных замков своды, земель далёких
многие пришины, морей и океанов синих воды*

*Она, что дом, радушно принимает
больших и малых, ярких и безликих, но даже самых злых
она прощает, одаривает гласом самых тихих*

Она одна такая вот на свете, как шумная и звонкая река

*Её все любят – взрослые и дети
История – ей имя на века!*

***Посвящается моему первому читателю
и второму отцу. Спите спокойно, старые друзья.***

Пролог

«Жизнь – довольно странная штука!» Эту фразу я слышал не раз и не два от многих людей, живущих под крышей небосвода. Но много ли смысла в этих словах? Каждый решает сам. Я же в своей голове немного переиначиваю сие великое высказывание: «Время – довольно странная штука!» Время нельзя ни потрогать, ни попробовать на вкус, ни даже увидеть. Ибо Время – это особое понятие, придуманное людьми для систематизирования той странной штуки, которая зовётся жизнью. А всё потому, что мы, люди, совершенно не умеем жить без чёткой, иерархической системы в своей голове, мы просто обязаны понимать и раскладывать всё, что окружает нас в этом мире, по логическим полочкам и нишам.

«А что там находится, вон за той седовласой горой?» Сейчас возьмём коня порезвее, да поглядим! «Почему звёзды светят так ярко ночью, но совершенно не видны днём?» Ну-ка, сконструируем особую штуку, назовём её телескопом, да посмотрим – что там не так с этими звёздами? «Отчего те земли, что по ту сторону синего покрывала, зовущегося морем, находятся, до сих пор никак не названы?» Да потому, что сейчас мы построим корабль, сядем в него, да сплавим до тех берегов, которым обязательно дадим какое-нибудь название! Иначе как жить-то дальше, как нам быть,

зная, что на той стороне что-то да есть, а мы это самое что-то до сих пор не потрогали, не попробовали на зуб, да не дали ему верного названия и определения? Это наша прерогатива и наше упоение – всюду совать свой нос и, даже периодически получая по носу, продолжать это делать! Любопытство людского племени – это и дар, и проклятье. Особенно в том случае, когда мы суём свой нос в прошлое и пытаемся докопаться в нём до истины.

А что из себя представляет истина? На языке философов истина есть интенциональное согласие интеллекта с реальной вещью или соответствие ей. В языках попроще под истиной подразумевают соответствие положений неким критериям, которые возможно проверить теорией или эмпиризмом. Для совсем уж простых людей истина — она то же, что и правда. Только вот правда у каждого своя, а истина – одна на всех! И очень уж по мне странное это занятие – когда люди пытаются найти истину в прошлом. Например: Король Иллиавинан Железный был Железным потому, что правил Лесконией Железным кулаком. Пятая Северная Война была выиграна семирийцами потому, что гарраги разбили свою гигантскую армию на три кулака, тем самым ослабив позиции на всех фронтах. Третье Великое Поветрие так быстро распространилось по Северу из-за того, что правительственные структуры северных стран вовремя не отконтролировали массовое паническое бегство гражданского населения. Всё перечисленное мною –

серые и голые факты. Историческая истина, построенная на теориях историков, которые в свою очередь опирались на работы хронистов прошлого. Но всё ли из перечисленного выше на самом деле было именно так и никак иначе? Мы этого знать не можем, ибо обозреть прошлое попросту невозможно. Почти невозможно. Не буду спорить – да, бывали когда-то и при нашем дворе разноликие да разномастные пророки, вещуньи да ясновидицы, но то было настолько давно, что ваш покорный слуга, несмотря на свой уже преклонный возраст, тех времён и не упомнит. Настало время других времён. Времён, когда мы лишены возможности заглянуть в прошлое, но, основываясь на настоящем, можем предположить, какое нас ждёт будущее. И знаете, что я вам скажу? Ох не радужное оно будет, ох не сказочное.

Сейчас на дворе 1599 год нашей эры, или 99 год Эпохи Упадка, как её уже называют некоторые из моих коллег по цеху. Эпохи, что началась 99 лет назад, с определённых событий, например, таких, как: Последняя Война Лесконии и Виссадора, Великие Пожары Гравинских Княжеств, Раскол Са'алладарской Империи, Порабощающее ближний север Минотавро-Кентаврское Иго, Становление Тёмных Культов в странах Юга, Пороховая Революция на Востоке, Война Трёх Сёгунов на островах Красного Дракона, Свержение Вечной Династии Лотуциани, Затопление острова Нуулиг и так далее. Все эти страшные события, наводящие ужас на сознание любого здравомыслящего человека, произошли

за какие-то не-до-сто-лет! В пример я привёл лишь те события, которые имели последствия действительно мирового масштаба. О маленьких катастрофах маленьких государств даже и не упоминалось.

А ведь, действительно, слово «упадок» к таким временам подходит как нельзя лучше, верно? Но я лично думаю, что эта самая Эпоха Упадка, началась гораздо раньше: где-то, по моим подсчётам, примерно лет триста назад, когда ещё на Великом Севере царила жизнь и процветание, о Третьем Поветриши никто и не слышал, а слово Семирия произносилось с благоговейным трепетом и уважением. Мне кажется, что именно там, на Севере, и следует искать истоки тех времён, у порога которых мы теперь стоим. Но с другой стороны – кто я такой, чтобы идти в одиночку против целого коллегияма королевских хронистов?

Время течёт по своим законам, и точки великих событий истории уже давно помечены на его графике. Проблема в том, что для нас, простых смертных, этот график остаётся невидим до тех пор, пока не ёкнет. И я готов продать душу одному из Трёх Дьяволов за возможность заглянуть в прошлое да узнать – каким оно было на самом деле? Ах, если бы мне встретить на своем пути кого-нибудь из тех мистических, нарушающих все логические и природные законы существ, которые имели возможность отодвигать поллог и заглядывать туда, куда заглянуть невозможно! Я бы всё отдал за этот дар – знать и видеть. Но, увы и ах... Я,

как и вы, могу лишь гадать. Вот и гадаю.

Но вернёмся к серым фактам. Ещё пять лет назад большинство из нас не ведало о существовании Астральной Подковы, в которую, оказывается, входит и наша с вами параллель. Два года назад никто из нас не знал о Трёх Вратах Извне, кои теперь, по достоверным данным, стоят на Севере, Юге и Востоке. Год назад никто из нас не готовился к апокалипсису, о котором сейчас не кричат лишь разве что самые ленивые из так называемых «пророков».

Эти чёртовы Врата в неизвестность – угроза не локального, а мирового масштаба. Я думаю, что это чувствует каждый из вас. И вот теперь, когда подходит к концу шестнадцатое столетие нашей эры, а мир застыл на краю пропасти, я задаюсь вопросом – а с чего всё началось? Когда оно началось? Что являлось катализатором тех событий, что мы теперь имеем? Боюсь, нам уже не суждено найти ответы на эти вопросы. Зато суждено увидеть, как наш мир с громким треском, шумом и гамом на полном ходу летит в чертову бездну. Близится Час Последней Битвы. И мы с вами абсолютно бессильны что-либо изменить...»

*Из личных заметок Востуса Малакана
старшего хрониста Дворца Знаний
Лютеция, Валдо-Бан
3 день месяца Яни, 1599 года Э. П*

Глава Первая

1499 год. Лескония, юг Лютещи. Где-то на пути из Товарда в Ленциг...

Место будущей ночной стоянки, покамест ещё стояло солнце, было выбрано грамотно, с опытным подходом к знанию ландшафта и полным пониманием предстоящего дела. Бивуак для разношёрстной группы путешественников обустроили в фурлонге¹ от тракта, в низине, на небольшой полянке, окружённой частоколом высоких, уже купающихся кронами во тьме, деревьев. За горизонт уплывало красное светило. Медленно сгущались сумерки. Пахло буком и ясенем, спелой шишкой и сухим листом, корой дерева и сосновой смолой. Вечерело.

Первым делом распрягли и накормили уставшую за долгий день в пути скотину: возовых мулов, пару костлявых и совершенно непригодных для верховой езды кляч, да двух молоденьких, поджарых лошадок – вороной и пегой мастей. Благородные скакуны, конечно же, принадлежали рыцарю и его оруженосцу, а остальным членам каравана вот уже который день приходилось довольствоваться, чем природа наградила, то есть своими ножками. Но в общем-то никто

¹ Фурлонг – единица измерения расстояния, равная примерно 200 м.

не жаловался.

Костёр разожгли по центру поляны, над ним же водрузили вместительный чугунный котел, старый и весь почерневший от частого использования, воды набрали из бегущего неподалёку ключа, подсыпали в неё кореньев для аромата, а в первые прогоревшие угли напихали картошки. Лето – оно ведь не весна и не осень, бродить по свету и спать под крышей из звёзд одно удовольствие! Ну а зимой так вообще дома сидеть надо, это вам и любой деревенский балбес подтвердит.

Так уж сложилось, что той группе путешественников, идущей

из торгового града Товард в не менее торговый Ленциг, страшно повезло, ведь командовал ими не абы кто, а настоящий, всамделишный рыцарь – сир Тальес из Гонсарды. Пускай этот благородный рыцарь и не был умудрён сединой на висках, но уже имел за плечами приличный опыт походов. Именно Тальес и выбрал место для бивуака, затем сразу же отослал мужиков сходить за водой и дровами да расставить по округе силки на дичь. Бабам же он повелел собрать со всей группы грязную одежду, выстирать её, развесить на ветках сушиться до утра да начистить овощей: луку, картошки и морквы для будущей похлёбки. Затем, хорошенько взвесив все риски и придя к выводу, что в этой местности никакая опасность, кроме разве что волков, каравану не угрожает, сир Тальес Гонсардский окинул взглядом ведущиеся вокруг работы и остался доволен. Как и любой дру-

гой уроженец Гонсарды, Тальес был высок, крепко сложен, черняв и чертовски красив. И, как любой уважающий себя рыцарь, он уже успел послужить, повоевать, повидать мир и заработать в одной из схваток грозный, внушающий страх селянам, кривой шрам через всю левую щёку.

Вообще-то, честно говоря, Тальес как истинный гонсардец, пускай и был горяч кровью, но характер имел довольно мягкий и добрый, хоть и старался этого никогда и никому не показывать. Ведь истинный рыцарь есть сила и сталь, крепкий характер и твёрдая рука, верность сеньору и своему слову, мужество в бою и благородство к слабым! Ну а то, что истории о любви, а не о войнах, гораздо сильнее будоражили его душу, ещё ничего

не значило. Если, конечно, никому об этом не рассказывать. Вот и стоял Тальес посреди поляны, грозно хмурил брови и обводил округу суровым взглядом.

– Помочь вам снять доспехи, сеньор?

Тальес обернулся к своему оруженосцу. Милый, щупленький

и голубоглазый мальчик Люго, сын крепостного оружейника, поступил к рыцарю на службу в свои двенадцать лет и служил при нём уже четыре года. Люго был ещё более кроткого характера, чем сам Тальес, а уж скрывать этого и во все не умел, но работу свою выполнял быстро, со всей ответственностью, да и в рыцарских науках не отставал. Потому за прошедшие годы он и полюбился сердцу рыцаря, аки сын

родной.

«Ещё какой-то год иль два, и парень заслужит пояс и шпоры, – думал Тальес, глядя на оруженосца, – и отправится он в большой мир уже без меня, уже не сопливым оруженосцем, а верным слову и поступку рыцарем! Где и найдёт себе своего собственного Люго. Эх, идут же времена, растут же дети! Ну а мы – стареем...»

– Ты уже кончил с моим оружием? – нахмурившись, но только для вида, спросил Тальес, подставляя оруженосцу плечевые ремни панциря, – всё сделал, мальчик?

– Конечно, мой сеньор, – отозвался Люго, снимая с руки хозяина стальную перчатку, – почистил, высушил, отполировал и промаслил.

– Хорошо. Ступай, займись кирасой, как раз к ужину закончишь.

Паренёк, собрав латы, ушёл выполнять поручение, оставив Тальеса в дутой стёганке и лёгкой кольчужке. Путешествующие селяне и торговцы выставили свои телеги и фургоны на границе света, тем самым образовав вокруг поляны ко-собоку и неразмеренную стену при колёсах. Впрочем, эта стена всё-таки добавляла особого уюта, отгораживая чёрный лес от маленького оплота цивилизации, тепла и жизни.

– Бойкий парнишка у вас, милчек рыцарь, – пробубнил от котелка кашеваривший Газгу. – О как стрекача-то задал! Словно свою доспешку чистить побежал, а не господскую...

Тальес нахмурился и с плохо скрываемой неприязнью по-

вернулся к говорившему. Газгу Хмелевод, бородатый купец из племени низкоросликов-гномов – странного подгорного народца, который северяне именовали то ли двергами, то ли цвергами, с первого же дня путешествия не понравился Тальесу. Гном был хамоват, не воспитан, прямолинеен и местами даже груб. Ну, а про крайнее пристрастие к горячительным напиткам и вовсе упоминать не стоило. В общем-то все гномы славились подобными качествами, но Газгу прямо-таки нервировал Тальеса каждым произнесённым им словом.

– Истинная честь для оруженосца послужить своему сеньору, – ответил рыцарь слегка напыщенно, – именно так воспитывается уважение к старшим. Так и никак иначе. У нас в народе это ценится дороже золота. А у вас, господин Газгу?

– Да куда уж нам уж до ваших праздных дружб, – хохотнул низкорослик. —Мы, карлики, народ простой. У нас так заведено: чего-то надо – дай монетку. Или другую какую вещьцу ценную. Если нет – катись колбаской в огненные чертоги. А если уж не понял, – то сразу же в глаз получишь! Немудрена премудрость, а? Не согласны, милчек рыцарь? Вот если бы меня вы послали доспешку за вас начищать, так я бы сразу вам такого кукиша скрутил – аж сами согнулись бы от возмущения, хе-хе.

Тальес тихо забурчал себе под нос. Гном упорно делал вид, что не слышит.

– Но Газгу-то не дурак, во имя золота блескучего

не стал бы он так делать! А знаете, почему? Да потому что знаю я вашу породу благородную. Вам не то слово скажешь, не так на вас посмотришь, бабу при вас бабой назовёшь, да ей-бо, не так при вас ветра пустишь или, упаси рогатый, нужду справишь! Ой, что там начнётся! Гром и молнии, да пение рожка! Ту-ту-ту-ду-у-у, оскорбили честь сира Дурелота, спасайся, кто может!

Бурчание рыцаря переросло в откровенный рык, но гном этого не замечал, либо делал вид, что не замечает.

– Вы же, люди, особенно доспехи нацепившие, да лыцарями себя поименовавшие, так вообще с катушек мигом слетаете по поводу чести. Клянусь Титанами, хуже, чем ушастые! Вам только дай повод железом помахать, так вы мигом дулю из закромов вытаскиваете и вперёд, бить врага-супоста-та! А кого, зачем, да почему – какая, хрен, разница? Опосля разберёмся. Ведь так всё? Ну, чего молчите, словно перепили бормотухи моей бабки? Прав я, али не прав, милчек рыцарь?

Тальес поджал губы, собираясь ответить кашевару всё то, что он думал о гномьих премудростях, об их бартерном порядке взаимоотношений, да о самом бородатом мудриле Газгу, но назревающий конфликт неожиданно разрешил ещё один представитель низкоросликов.

– Уважаемый сеньор Тальес! Не желаете ли вы разделить со мной сию скромную бутылочку «Вальетелли», тем самым устроив нам небольшой аперитивчик перед скорой трапе-

зой?

Рыцарь опустил голову и встретился взглядом с преградившим ему дорогу коротышом. Светлоглазый, рыжебородый человечек в оливковом жилете, чёрных башмачках с золотыми заклёпками и парчовой шляпе на голове услужливо протягивал Тальесу бутылку из тёмного стекла в сеточке, при этом широко улыбаясь и сжимая в зубах дымящуюся трубочку.

– Кхм... Не откажусь, – буркнул рыцарь, косясь на колдующего у котла кашевара, – вы очень любезны, уважаемый господин...

– Лодук. Меня зовут Абдрогунук лон-гари Лодук. Бросьте вы хмуриться, словно сунса почуяли, уважаемый рыцарь! Вам оно, простите за откровенность, не к лицу! Я понимаю, что моё полное имя далеко от тривиальности, достаточно тяжеловесно для произношения и уж тем паче – для запоминания. Так что я не в обиде.

– Благодарю вас, господин Лодук.

Господин Лодук тоже принадлежал к народу низкоросликов, а точнее, к племени лепров. Ростом он, как и Газгу, едва дотягивал до трёх футов, то есть доходил Тальесу до пояса. Но, если коренастый гном в плечах не уступал рыцарю, а в объёме рук так вообще превосходил его, то Лодук, как и любой другой лепр, телом был довольно тщедушен – с десятилетнего человеческого ребёнка. Проще говоря, совсем мал и хил. Помимо физических и анатомических особенно-

стей, эти похожие народы различала ещё одна важная черта – лепры, в отличие от гномов, никогда не отпускали усы. Бороды носили. Но усы – нет.

– Вы на него не обращайте внимания, уважаемый сир Тальес, – пробормотал Лодук, выпуская из носа струи дыма на манер дракона, – Газгу как дураком родился, так дураком и помрёт. Его даже братья собственные нередко поколачивают за язык дурной. А мелет он им столь бездумно не со зла вовсе, а по скудоумию.

– Ах ты, прыщ безусый, пиявка рыжебородая, да я тебя... – забурчал гном, строгая над котлом овощи.

– Ты – меня, а потом я тебе в Ленциге вексель вот возьму, и не выпишу. И что тогда подельывать будешь, охламон ты усатый? Вот-вот, то-то же! Не забывай, носатый мой друг, кто тебе денюжки даёт.

Газгу ругаться не перестал, просто тон снизил и перешёл на кабутвурд².

– Ох уж эти гномы, – виновато улыбнулся Лодук, – хлебом не корми, дай побрюзжать, да ближнему своему настроение испортить. Что ж с них взять, такая уж порода!

Тальес лишь хмыкнул в ответ. От терпкого дыма трубки першило в горле, но, в сочетании с полусладким «Вальетелли», послевкусие получалось вполне приятным.

– Так когда, вы сказали, мы увидим высокие стены Лен-

² Кабутвурд (Kaboutwourde's) – самый распространённый среди народов, входящих в группу низкоросликов, язык.

цыга, уважаемый рыцарь?

– Я и не говорил. Если не будем слишком часто останавливаться в дороге, то завтра к вечеру прибудем.

– Либо ещё одна ночёвка под небом? – пробормотал Лодук, теребя свою рыжую бороду. – Этого нам позволить себе ну никак нельзя! Не сочтите за грубость, сударь рыцарь, но не могли бы вы завтра максимально ускорить наше передвижение? Понимаете ли, у меня есть особенное хобби, я нумизмат. А в Ленциге, понимаете ли, у меня имеется одно дельце к моему сородичу-нумизмату. Ну, а он, понимаете ли, может меня не дожидаться, и тогда мне придётся остаться без...

– Как получится, господин Лодук, – холодно оборвал его Тальес, – в обозе, вверенным мне под охрану, путешествуют не только солдаты вроде меня, купцы вроде гнома, банкиры вроде вас, но ещё и множество поселян со своим скарбом. А также их маленькие дети. И мне всё равно, успеете ли вы пополнить свою коллекцию очередной редкой монетой или нет, но загонять детей вусмерть я не собираюсь. Понимаете? Или не понимаете?

– Ха-ха! – расплылся в широкой улыбке Газгу, поднимая нос от котла. – Вона тебе, получи пупок замухратый! Понял? Хрена тебе с маслицем, а не монеты твои засратые! А ещё, понимаешь, с вином припёрся, умасливать пытался...

– Просеивайте свою грязную речь, господин Газгу, – ещё холоднее бросил рыцарь, – иначе, клянусь своим именем, я

сам этим займусь.

– Всё, всё, молчу, – ухмыльнулся гном, пробуя варево на вкус, – ох, ядрица-водица, хорош навар-то получился!

– Кхм... кхм... – пробубнил Лодук, попыхивая трубочкой, – досадно, однако, будет опоздать. Но я вас понял, уважаемый рыцарь. Докучать сим вопросом более не намерен. Вино оставьте в знак... эм... уважения.

Тальес пожал плечами и, проводив лепра взглядом, наполнил походный кубок. Вокруг сновал народ и общими усилиями рождал неповторимую симфонию бивуака: раздавались переклички, смех, разговоры; плакал чей-то ребёнок, кто-то поигрывал на свирели, кто-то подпевал; мужлан-кузнец бранил свою жёнушку за какие-то грешки, та в ответ кудахтала и ревела одновременно, словно доселе невиданная учёному свету помесь квочки и вепря. Воздух помимо ночной летней свежести наполнялся запахом гномьей похлёбки, которая, если честно признаться, пахла очень даже недурно.

– Это вот он с виду такой вежливый и хорошенький, – рассмеялся Газгу, помешивая содержимое котелка большим черпаком, – а в душе, как и все мы, низкорослики, торгаш. Но я того хотя бы не скрываю, в отличие от этого двухличного заморыша.

– Правильно говорится «двуличного», господин Газгу.

– А? Чегось?

– Ничегось. Скоро будет готова ваша стряпня?

– Уже, милчек рыцарь, пять минуточек и будем разливать

по чашечкам! Вы такого ещё не кушали – бабкой клянусь! – как попробуете, так пальцы свои до локтей обглодаете!

– Я весь в предвкушении, – фыркнул Тальес и подозвал одного из своих людей, безусого солдатика по имени Яник, – вели всем собираться. Сейчас харчи раздавать будут, похлёбку мясную и картошку запечённую.

– Понял! Буит сделано, сеньор Тальес!

Вскоре вся разномастная группа путешественников собралась возле костра и теперь, выстроившись в очередь, ожидала выдачи похлёбки. Газгу с видом древнего бога плодородия, снизошедшего своей милостью до простых смертных, разливал исходящее паром варево по глубоким чашам, затем выдавал голодным путникам по паре сухарей и, в зависимости от размеров получателя, по большой или малой картошине. Каждое проделанное действие гном сопровождал фразочкой, вроде: «кушай, кушай, да не обжирайся», «от мала до велика, все одного лика», «спасаю людей от поедания себе подобных», «а монетку ты для кормильца подготовил?» или «папочка Газгу всех вас, деточек, накормит». На благодарность челяди он отвечал: «Спасибо тем, кто ел, а приготовить – каждый может».

Когда вроде бы уже все расселись вокруг костра, а бивуак заполнился стуком ложек, чавканьем, причмокиванием и отрыжкой, Тальес обвёл взглядом вверенных ему под охрану людей и нелюдей. Первых, не считая самого рыцаря, его оруженосца и двух солдат, было двенадцать: трое деревенских

мужиков со своими жёнами, пятеро ребятишек, да один учёный муж, профессор философии Марсану Айбиг из Товардской Академии Наук. Нелюдей было поменьше: гном Газгу, его одноглазый брат с чертовски сложным именем – Рудген-бонтохт, банкир-лепр Лодук, двое высоких, остроухих и холодных, как лунный свет, альхэ, один угрюмый и немногословный зеленокожий яларг, да высокий широкоплечий здоровяк велиманн из далёкого севера, неизвестно как забредший сюда, на юг Лескони.

«Вроде бы все, – подумал Тальес, последним принимая из рук кашевара супницу. – Но отчего же мне кажется, что я обсчитался? Нет, всё верно! Точно помню, когда выезжали, было двенадцать наших и семь не наших...»

К рыцарю подошёл оруженосец, милый и добрый мальчуган Люго, и указал тому на одинокую фигуру, сидевшую поодаль от всех в тени одного из фургонов. Вот тогда Тальес и вспомнил о том, что забыл посчитать последнего пассажира, приставшего к обозу пару дней назад прямо на дороге.

– Эй, отец! Ты чего там расселся-то в одиночестве? – крикнул рыцарь в темноту, – иди-ка сюда, погрей кости у костра да откушай с нами!

От фургона долетело хриплое и резкое карканье, затем слышался едва различимый в общем гомоне глубокий старческий голос:

– Что вы, милостивый сеньор... Благодарю, но мне и здесь неплохо.

– Да чего ты такое говоришь, отец? Давай поднимайся и иди уже к нам!

– У меня нет денег, дабы заплатить за передвижение с вами, за вашу еду и доброту, милостивый сеньор. Не хочу ещё больше углубляться в долги, которые оплатить я, к сожалению, не в силах.

– Какие глупости! – начал злиться Тальес, – я сказал, иди сюда, старик! Этот обоз под моим командованием, так что можешь думать, если тебе так угодно, что плачу за тебя я. Ну, старик? Живее, разбери тебя хворь! Не заставляй тащить силком!

Снова раздалось карканье. Затем послышалось кряхтение уставшего и не желающего лишней раз напрягать больные суставы, человека. На свет выступила сутулая фигура в выцветшем, изношенном, много раз залатанном, некогда чёрном шерстяном балахоне. Голову старика покрывал глубокий капюшон, виднелся лишь заросший редкой снежно-белой порослью подбородок. Узловатые пальцы с набухшими венами и усеянной старческими пятнами кожей сжимали дорожный посох, помогая владельцу удерживаться на слабых ногах. На плече старика сидела чёрная, как ночь, птица, с длинным острым клювом и умными глазами-бусинками. Ворон.

– Присаживайся, отец! – Тальес указал старику на заменявшее скамью бревно, – а вы, двигайтесь давайте, хамы. Не видите, что перед вами человек жизнью умудрённый, ува-

жения к себе требующий?

Сидящие на бревне поселяне безропотно подвинулись, лишь жена кузнеца – пухленькая дура-баба, которую кузнец так и называл, когда совсем недавно костерил, поджала красивые полные губы. Старик сел, Тальес протянул ему свою супницу и ложку, а сам вернулся к котлу и получил от Газгу новую порцию. Как оказалось, последнюю, совсем жиденькую, с одним кусочком мяса, парой жалких огрызков морковки и разваренным шматком лука, но рыцарь не расстроился. Уважение к сединам – первое, заученное им, ещё оруженосцем, правило из обширного кодекса рыцарей.

Тальес по примеру Люго уселся прямо на землю и неспешно занялся трапезой. Быстро опустошив супницу, а затем очистив картошку от золы, рыцарь, наблюдая за стариком, куснул вкусную, отдающую костром мякоть.

Старик же ел не спеша, с трудом сжимая деревянную ложку непослушными пальцами. Время от времени сидящий на плече ворон засовывал в супницу клюв и вылавливал оттуда кусочек мяса или овоща, а затем хищно заглатывал еду. Старик на такое фривольное поведение питомца несколько не обижался, а наоборот, подставлял ему омут для ловли, после чего поглаживал пальцем по оперённой головке.

Когда с трапезой было покончено, а все путешественники, довольные и сытые, откинулись на спины, Тальес отослал женщин мыть посуду в ключе. Наступило время отдыха: солдаты развалились на траве, Люго в очередной раз принял-

ся натирать промасленной тряпкой меч сеньора, профессор Айбиг уткнулся носом в книжку, тихо бубня под нос прочитанные строчки, Газгу под скучающим взором своего брата не переставая бурчал о «неблагодарности людского племени», Лодук, попыхивая трубочкой, подтрунивал над ним, зеленокожий калач из степного народа яларгов косился жёлтыми глазами на стройных и красивых альхэ, те делали вид, что им всё равно, но сами украдкой поглядывали на дико-го воителя с затаённой злобой в миндалевидных глазах, мужики из деревни, сбившись в кучку с вернувшимися бабами и детьми, бросали испуганные взгляды на татуированного и бледнокожего детину-велиманна, а тот, в свою очередь, вообще смотрел лишь на большой и яркий диск луны, игнорируя всех и вся, кто сидел рядом. Тальес устало вздохнул.

«Сколько ещё простоит сей шаткий мир? Не ровен час, опять эти остроухие альхэ сцепятся с зеленокожим, – подумал рыцарь, – или деревенские дуболомы снова порешат, что велиманн заинтересовался их жёнами! А если гном вдруг перестанет терпеть подколки лепра, что тогда? Клянусь честью, маловато у меня подчинённых, дабы утихомирить такую ораву, если вдруг наступит буча...»

Командовать подобным скопищем людей и нелюдей с разным мировоззрением, культурой, воспитанием и отношением к ближнему своему, оказалось чертовски непросто. Когда караван только собирался, и Тальесу вручали «вожжи», всё шло как по маслу, ибо у людей и нелюдей была общая цель –

добраться из Товарда в Ленциг, пережив при этом дальнюю и опасную дорогу. Кратчайший путь, связующий два великих стародавних града Лютеции³, пролегал по местам малоцивилизованным и довольно непредсказуемым, а смельчаки, готовые провести всех нуждающихся сими дикими и неприветливыми тропами, встречались и того реже. Так что волей-неволей приходилось разноликим путникам терпеть вынужденные неудобства путешествия с нелюбезными представителями иных племён под боком. В ином случае – жди три, а то и четыре недели, пока не найдётся новый смельчак, готовый провести из Товарда в Ленциг новый караван – и поди ещё угадай, кто там может оказаться! Так что терпели. Но чем дальше, тем меньше.

Им повезло – госпожа фортуна помогла каравану разминуться с разбойничаящими в Долине Ландо шайками бандитов, провела мимо вольенских дикарей, позволила обойти стороной группу раубриттеров⁴ из замка Ванотун и даже укрыла от глаз разноликой нечисти, что кишмя кишела в Лесах Флейт. Но чем ближе был пункт назначения, тем чаще нынешние товарищи поглядывали друг на друга с недоверием, и всё больше теряли товарищеский дух. И вот, у самой цели, когда «товарищи» осознали, что опасность миновала, их «дружба» тут же пошла трещинами. Уже была пара прецедентов пускания чужой крови и лишь каким-то чудом

³ Лютеция – небольшое королевство на юге Лесконии.

⁴ Раубриттер – рыцарь-разбойник.

да не иначе, как вмешательством богов, Тальесу удавалось удерживать агрессоров от необдуманных действий. К сожалению, агрессорами в этой шумной компании являлись практически все, просто на ту или иную тему. На этот раз всё началось с гнома. А если быть точнее, с его товарища Лодука.

– Да заткни ты свою пасть, рыжий заморыш! – рявкнул Газгу, вскакивая с бревна, после очередной шуточки банкира, – ещё хоть слово ты проблеешь своим мерзким голоском, и я за себя не ручаюсь!

– Фи! – закатил глаза Лодук, выбивая трубку о башмачок, – ну что ты как маленький? Право, глупо, мой друг, обижаться на правду. А правда заключается в том, что я действительно лицезрел ораву пьяных гномов на празднике Тордольмасса в Гнездовище-на-Пике! И действительно слышал, как ваши женщины храпят – гораздо громче, чем мужчины.

– Да плевать мне, что наши бабы храпят громче мужиков! Всё равно для нас они самые лучшие!

– Да кто ж спорит? Не нам ведь с ними спать ложиться. Вы и внешне-то тоже не сильно различаетесь...

– Шо-о-о? – опешил гном, – шо ты там пукнул, пентюх ржавый?!

– Не пукнул, а сказал! А сказал я следующее – вы, бородатый мой дружок, с вашими женщинами внешне довольно схожи, оттого и храпите на один лад. Подумаешь, велика тайна!

– Подумаешь?! – краснеющего Газгу пробрал дикий колотун, – я те сейчас подумаю, выпук недозревший! Я те покажу, кто у нас храпит громче... Ща вот как двину промеж зенок палкой, и поглядим, какие свирели ты выдавать будешь!

В подтверждение угрозы гном хватил с земли толстый сук и двинулся на побледневшего лепра. Расправу остановил одноглазый брат Газгу с непроизносимым именем Рудгенбонтохт – схватив сородича за бороду, он резко развернул его к себе и забурчал что-то на кабутворде. Газгу вырвался, пихнул пудовым кулачищем брата в плечо и яростно жестикулируя, стал что-то орать в ответ, на том же грубом, гномьем языке. Время от времени в их бессвязной тарбарщине возникало одно и то же, произносимое с нажимом, слово «Rekeningger», что на человеческом наречии означало «Вексель».

Пока все собравшиеся наблюдали за перепалкой низкоросликов и бессильными потугами рыцаря замять конфликт, один из красивых и стройных, андрогинных альхэ, судя по коротким волосам, всё же мужчина, понизив голос, обратился к длинноволосому собрату. Оба тихо рассмеялись. Зеленокожий воитель яларг, демонстрируя крайне чуткий слух, повернулся к ним и что-то сказал. Альхэ переглянулись, короткостриженный певуче ответил. Яларг фыркнул, гортанно расхохотался и что-то быстро и хрипло пробормотал. Судя по всему, что-то обидное, ибо оба альхэ тут же вскочили на ноги. Яларг добавил недвусмысленный жест

пальцами – колечко и ходящую туда-сюда палочку. Альхэ выхватили длинные и узкие, отливающие серебром, мечи.

В это же самое время белокожий семифутовый здоровяк велиманн, сидя в сторонке и обращая всё своё внимание исключительно на лунный диск, не заметил, как к нему сзади подобралась сбежавшая от родителей девочка-селянка, годов пяти-шести на вид. Девочка, решив, что огромная и широкая спина северянина – это отличный вызов для будущего скалолаза, полезла прямым на горб здоровяка, хватаясь за бурую шерсть густой меховой накидки. Велиманн, ничего не подозревая, решил чихнуть. И чихнул! Да так громко, что девочка, не удержавшись, бухнулась с объекта покорения прямым наземь и расплакалась. Велиманн осторожно поставил дитя на ноги, а затем извлёк из закротов меховой накидки маленькую грубоватой работы куколку из соломы и хлопка и протянул девочке. Ребёнок тут же забыл о слезах и с улыбкой стал изучать полученный презент.

Тут же подлетевшая к девушке мать, не кто иная, как дурра-баба, жена кузнеца, схватила бедное дитяtko и, прижав к себе, попёрла на ничего не понимающего велиманна, что рассерженная квочка на сонного буйвола. Здоровяк буркнул, мол, «отстаньте, люди добрые», да махнул рукой, но женщина расценила жест как знак агрессии. И как давай орать – помогите, бьют-убивают! Само собой, вся деревенская орава мужчин, баб да их детишек со страшным гулом бросилась кузнечихе на выручку.

Старик с вороном на плече, казалось, уснул. Профессор из академии, нахлобучив на голову книгу на манер каски, с интересом наблюдал за происходящим. Да ещё и умудрялся записывать витавшие в воздухе ругательства в маленький блокнотик.

Кровопролитие остановил вовремя очухавшийся Тальес. Гикнув солдат и милого Люго, он схватил меч и бросился метаться от группки к группке, раздавая тумачи, потрясая оружием и перекрикивая орущих. Вскоре все инциденты были исчерпаны, никто не пострадал и народ вполне чинно да мирно, разошёлся по углам. Свет огня вырывал из тьмы лишь недовольно нахмуренные брови и выпяченные губы. На этот раз обошлось. Тальес вернулся к костру, плюхнулся на траву и устало вздохнул.

«Я скоро сам уже не выдержу! А выходить из себя, да пырять зарвавшихся дурачин благородным оружием дело-то не рыцарское, – подумал он, – надо чем-то их отвлечь, придумать какое-то связующее и остужающее сердца занятие...»

Неожиданно в благородную голову рыцаря пришла гениальная идея.

– Эй, старче! Ты говорил о том, что желаешь отплатить за оказанное добро, да нечем? Но желание-то есть?

Старик, разлепив веки и вздрогнув, обвёл всех мутным взором выцветших глаз, затем откашлялся и медленно кивнул.

– Так давай, расскажи какую-нибудь историю. Ты человек в летах, наверняка много где был, много чего видел. Сейчас нам всем явно не повредила бы

какая-нибудь добротная иль не очень, но, главное, захватывающая история. Способен ты выполнить мою просьбу, отец?

– Сказку, сказку! – заканючили селянские дети, но на них тут же шикнули родители.

– Хм... Историю просишь, о благородный рыцарь? – старик почесал подбородок и взглянул на своего ворона, – почему бы и нет... Что скажешь, Корвейн? Расскажем мы этим добрым людям, что накормили нас, да не бросили в беде, какую-нибудь историю?

Ворон громко и протяжно каркнул, затем распушил крылья

и, вспорхнув, перепрыгнул на оголовье посоха, который старик, даже сидя, так

и не выпустил из своих узловатых пальцев. Все, включая отстранившегося велиманна, с интересом повернулись к старику.

– Хм... хм... какую бы историю вам рассказать, друзья мои...

– Давай уже любую, человек, не томи! – влез Газгу, – если ты до утра будешь вспоминать, то я лучше сразу спать лягу!

– Цыц! – гавкнул на него Тальес, – рот закрой, недомерок. Прошу прощения, отец, не спеши, мы подождём. Главное,

чтобы интересно было.

– Да разве есть у вас, людей, интересные истории? – пробурчал гном, чем заработал очередной гневный взгляд рыцаря.

– Ага! Вспомнил я одну, – пробормотал наконец старец, – как раз про твоего сородича, ворчащий мой друг, про гнома, стал-быть, историю. А гном тот был непростой, а...

– Золотой? – ляпнул Лодук, и по рядам слушателей загуляли смешки.

– Нет, рыжебородый друг ворчуна, – не стушевался старец, – тот гном был великим воином и преданным другом. А дружил он, как бы удивительно и неправдоподобно это не звучало, с тем, кого вон те красивые Дети Леса, называют mesaan. С человеком.

Все с интересом взглянули на молчаливых альхэ и снова повернулись к старику.

– Случилось это давным-давно, в те времена, когда ещё Север не охватила череда страшных, но Великих Войн, а здесь, на Юге, о чуме-поруке никто даже слухом не слышивал. Звали тех двоих, о ком пойдёт речь, Гэрри и Маггот. Как вы уже догадались, Гэрри, также известный, как Трутень, был человеком, а Маггот – гномом. Но откликнулся этот необычный гном на столь же необычное прозвище – в своём окружении его нарекли Хмельком, потому что больше всего на свете тот гном любил выпить эля. Или чего покрепче...

– Это-то да, это мы могём, – расхохотался Газгу и хлоп-

нул сидящего рядом Лодука по плечу, да так, что тот чуть не свалился с бревна.

– А произошла та история, – продолжил своим глубоким, чуть с хрипотцой, но всё же приятным голосом старик, – на далёкой и ныне заброшенной, забытой всеми народами и богами, земле, на острове под названием Гортуна...

Гортуна

Под землёй всегда сыро. Темно и мерзко. Одиноко. Когда тебя от поверхности отделяют тонны грязи, камней и грунта, сразу же осознаёшь всю прелесть жизни под солнцем. Там, внизу, солнца нет. Да и жизни тоже нет. Зато кротолюды не жалуются, и другие подземные твари, что пострашнее. Но Гэрри Тод, по кличке Трутень, хоть и понимал всё это, старался не отчаиваться.

Оно ведь так и задумано, чтобы нам плохо было. Иначе, что это была бы за тюрьма? – думал Гэрри. Да и срок не пожизненный всё-таки. Потерпеть осталось всего-то – пятнадцать лет! Или шестнадцать? Тут уже не важно, годом больше, годом меньше. Зато на свободу, как говорится, с чистой совестью. Хоть тогда ему уже и будет сорок пять.

Гэрри Тод отбывал заключение на далёком острове Гортуна, который затерялся меж Энлесским океаном и морем Халл. Где точно находилась тюрьма, Гэрри не знал, впрочем, ему было наплевать. Куда тут сбежишь? Разве что в леса, но Гэрри не был уверен, что сможет выжить в непригодных дебрях Гортуны. Вот и приходилось сидеть под землёй.

Четыре года назад Гэрри со своей командой попался в миротаунском порту с крупной партией маута – нового мощного наркотика. Контрабандисту не повезло вдвойне, ведь

его поймали в последний заплыв. Гэрри давно уже собирался завязать с грязными делишками, заняться чем-нибудь мирским и взялся за рискованый заказ лишь потому, что деньги обещались воистину волшебные! Как раз столько, сколько нужно, дабы бросить всё и стать достойным человеком. Но все мечты канули в пучину морскую тем летним вечером, когда отряд Агатовых Ястребов, вломившись в трюм, взял контрабандистов с поличным. Далее по накатанной: каталажка, ожидание, скорый суд и – пожалуйста – Гэрри вновь под парусом, но на этот раз в кандалах. Особенно жалко было старого капитана Гуса – того после суда вздёрнули на Площади Героев под громкий рёв толпы. Остальным членам команды дали от двадцати до пятидесяти лет заключения в различных уголках старого света. В новый же свет вместе с кучей незнакомых оборванцев отправили одного лишь бедолагу Гэрри. И вот он уже пятый год протирает портки и дышит угольной пылью на Самшитовых Рудниках. Если честно, дурацкое название для рудников, учитывая, что под землёй не то, что самшита, вообще никакой растительности нет. Шесть дней на шахте – один день под солнцем. Хоть какое-то подобие жизни.

Шёл шестой день под землёй. Гэрри и его напарника отправили в штрек номер тридцать три, где они работали последние пару месяцев. За это время седых волос на голове Гэрри заметно прибавилось. Штрек номер тридцать три пользовался очень дурной славой, и не только среди заклю-

ченных. Здесь пропадали люди. Поначалу всё списывали на кротолюдов. Подземные жители не любили, когда по их тёмному королевству сновали незваные гости и забирали минералы. Так что стычки с этим народом давно уже стали обыденным делом. Но тут шла речь об ином! В проклятом штреке от шахтёров вообще не оставалось ни следа. Искали тайные пути побега, кротовьи норы, скрытые лазы, но куда там. Всё тщетно.

Штрек номер тридцать три был самым глубоким, при этом самым незатейливым штреком во всём руднике. Прямой и глухой, как единственная извилина в башке старшего надзирателя. Среди рудокопов поговаривали, что в этом штреке якобы проснулось древнее зло или тёмный бог кротолюдов. А, да чёрт их разберёт, о чём люди только не болтают! Конечно, болтовня болтовнёй, а факты налицо – в этом штреке за последние два года недосчитались многих шахтёров. Но процесс работы всё равно не прекращали – рудокопов много, а столь богатый на минералы штрек всего один. Единственное, что изменилось – надзиратели стали спускаться намного реже – только в пересменок рабочих. Вот и кукуешь здесь по шесть дней кряду, ожидая, что следующий окажется последним.

Стоит посвятить отдельное слово напарнику Гэрри. Это был гном. Да не просто гном, а самый сварливый гном на свете. Гэрри подозревал, что именно из-за него их сладкую парочку отправили в этот проклятый штрек. Звали маленького

крепыша Магготом. Но обычно к нему обращались по прозвищу – Хмелёк. Почему Хмелёк? Всё просто – этот гном очень любил выпить. Эля, а лучше чего покрепче. Но и эль сойдёт. И в добывании хмельного напитка Хмельку не было равных.

Шестой день начался для Гэрри адской болью в пояснице. Ещё бы – спать на каменном полу с подстилкой-матрасом, в котором от силы три соломинки. Первые петухи здесь заменялись хорошим пинком от надзирателя. Охнув и скрючившись, Гэрри разлепил веки. В глаза ударил желтый свет лампы.

– Вставай! Работа не ждёт, – небритое, обрюзгшее и красноватое от пьянства лицо надзирателя Горки сказало своё «доброе утро».

– И гнома разбуди, – добавил уже тише Горки, – как очуается, дуйте к лифту, там вам дадут паёк на день.

– А завтрак? – прохрипел Гэрри.

Надзиратель обернулся и сверкнул щербатой улыбкой.

– На глубине позавтракаете. Или вами позавтракают.

Горки ушёл, гаденько посмеиваясь, и оставил Гэрри в темноте. Тот медленно поднялся, разогнал кровь по суставам и наощупь добрался до стола. Зажёг свечу, умылся, прополоскал рот мутноватой водой из жестяной миски и, сплюнув на пол, двинулся на храп. Гном, как всегда, спал там, где смогло – на холодном полу в центре комнаты. Вокруг валялись пустые бутылки. Чтобы разбудить Хмелька, особенно после

пьянки, у Гэрри имелся собственный метод. Присев на корточки, Гэрри отставил свечу в сторонку, хрустнул пальцами и зажал гному рот и мясистый нос. Пять, четыре, три, два, один. В сторону! Гэрри отпрыгнул в тот момент, когда Хмелёк резко разлепил веки, а его левая рука, размером с бычью голень, зачерпнула воздух. Гэрри учился на своих ошибках и уже имел представление о том, что бывает, когда будишь гнома с похмелья. Далее, как по расписанию, трёхэтажный мат на кабутворде, покашливание, отхаркивание и, наконец, Хмелёк поднялся на ноги.

– Трутень? Ты, что ли? – хриплый голос и красные глазищи говорили о том, что вчерашний вечер удался.

– Я, я, кто ж ещё, – ответил Гэрри, протягивая гному миску, и тот влил в себя содержимое, не глядя.

– Ух, наклюкался же я вчера. Знатненько, знатненько! Зря ты, человечек, отказался. Эль был прекрасен, – гном с тоской взглянул на пустые бутылки.

– Ничего, переживу. Давай, пошли, пока Горки не вернулись. А то начнёт ещё...

– Чего он там начнёт? Хоть слово пусть вякнет, я ему ещё пару зубов вышибу.

– Ты забыл, чем это кончилось в тот раз?

Хмелёк лишь махнул рукой и, подхватив сумку с киркой, двинулся за Гэрри. В принципе, Гэрри не жаловался, ибо работать с гномом было одно удовольствие. Главный девиз Хмелька звучал так: «Коль руки из зада, работать – засада!».

Ну а так как, по мнению гнома, руки из зада росли у всех, кроме гномов, работа Гэрри заключалась в «принеси, подай, иди к черту, не мешай». Вот он и не мешал.

Миновав в слабом свете свечи энное количество коридоров и ответвлений, они вышли к лифту. На стенах горели лампы, вырывая из тьмы круглую дыру и маленького, скрюченного годами, человека.

– Кого ж я вижу спозаранок! Утречка доброго, ребята.

– Здорово, Ког.

Из лифтёрской братии Ког был не самым плохим парнем. Старый, лысый, почти беззубый, но при этом всегда лучащийся необоснованным позитивом.

– Ну что, Хмелёк, как тебе мой вчерашний подарок, а?

Гном в ответ промычал что-то нечленораздельное. «Так вот откуда взялся эль!» – подумал Гэрри.

– Последний день и отсыпаться? – осклабился Ког и, высунув голову в шахту, заорал с удивительной силой для столь тщедушного человека, – эй вы, там! Спускайте на шестнадцатый! Да поживее!

В ответ через пару секунд прилетело что-то вроде: «сейчас я сам спущусь и полетишь у меня до пятьдесят четвёртого».

– Ну так давай! – не остался в долгу Ког, – и Хмельку это повтори!

Ответа не последовало, зато сразу же послышался звук заработавшего механизма.

– С ними надо построже, – виновато улыбнулся Ког.

Когда лифт опустился, вся троица загрузилась внутрь, и лифтёр стукнул по тросу три раза и – через паузу – ещё столько же. Пол слегка качнулся, и лифт поехал вниз. Сам лифт представлял из себя большой унылый жестяной короб со складной решёткой вместо двери, которую никто и никогда не закрывал. К чему правила безопасности? Мимо проплывали освещённые факелами штольни, внутри стояли лифтёры, в одиночку или с рабочими.

Пока лифт опускался, с Хмельком пару раз успели поздороваться, пригласили вечером зарубиться в карты или просто заглянуть после работы на стаканчик красного. На минус двадцать шестом в лифт на ходу запрыгнул какой-то ретивый гном, кажется, его звали Агдар или Агдор. Он улыбнулся Хмельку, они обнялись, затем перекинулись парой фраз на кабутурде и, наконец, кинув на прощанье «ab-schad», гном выскочил на минус тридцать первом. Вскоре лифт остановился. Минус тридцать третий. Проклятый штрек. Добро пожаловать! Гэрри и Хмелёк вышли из лифта. Ког зажёл лампу и, щурясь в слабом свете, сверился со списком.

– Не густо вам сегодня пожаловали, ребята. Ну, как говорится, на пустой желудок и солома – овощ.

Хихикнув себе под нос, Ког потянулся к складу ящиков, которые стояли в углу лифта.

– Итак: четыре пайка, галлон воды, две порции масла, лампы... – бубнил Ког, глядя в список и выдавая снаряже-

ние, – пучок сухой травы. Эй, Трутень, держи трут, ха-ха!

Гэрри в ответ вяло улыбнулся:

– Во сколько вернёшься?

– Там видно будет. К ночи, не раньше.

– Мы как всегда, без проверок?

Ког не ответил, лишь ободряюще улыбаясь, стукнул по тросу.

– Да пребудут с вами боги, ребятки! Последний день, вы уж продержитесь.

Загудел механизм, и лифт уехал. Гэрри сразу же зажёл лампу и вдохнул запах дешёвых химикатов.

– Ааа... ааа... Ааапчхиии!

Удалое эхо, изображающее чахоточную армию, загуляло по штреку.

Когда могильная тишина восстановилась, Гэрри перестал проклинать свой нос и открыл глаза. В свете лампы ему представило сучающее лицо Хмелька.

– Ты закончил? Тогда пошли.

Последний год здесь работали по двое, во избежание массовых потерь. Гэрри скривился, как от зубной боли, когда Хмельёк по привычке стал насвистывать какой-то гномий марш. Он всегда так делал, а Гэрри всегда кривился. Но попробуй объяснить гному, что он не прав.

Бледный желтоватый свет лампы разгонял тени по неровным стенам тоннеля, но чернота впереди всегда оставалась непроницаемой. Дышалось достаточно легко, но сырость

и холод камня чувствовались в каждом глотке воздуха. Вдоль стен иногда попадались черные провалы: комнаты отдыха, бывшие склады, иссякшие жилы. Вскоре, каменный пол под ногами накренился вниз. Свет лампы вырвал из тьмы лебёдку, а за ней – рельсы и пустую тачку. Настало время длинного спуска. Воздух вокруг похолодел, а тьма сгустилась и стала плотнее. Гэрри изрядно подмёрз. Смахнув с виска капельку холодного пота, он постарался взять себя в руки.

«Это всего лишь пустой штрек. Старый пустой штрек. Здесь только я и гном. И больше никого.» – думал Гэрри, слушая беззаботный свист Хмелька, который звучал слишком неправильно для этого угрюмого места. Рельсы кончились, и напарники достигли развилки. Три тоннеля вели к трём различным месторождениям. Левый был завален почти два года назад, став братской могилой для двенадцати рудокопов ещё до появления проклятия. Центральный тоннель иссяк несколько месяцев назад. Прошлая бригада, которая до этого работала здесь, вернулась только частично. Гэрри с ужасом вспоминал ту пару поседевших безумцев, лопочущих бессвязный бред на непонятном языке. Именно они работали последними в штреке номер тридцать три. Ну и, наконец, правый тоннель. Одна из самых богатых жил во всем руднике. Над круглым входом висела кривая деревянная табличка, гласящая: «Осторожно, возможны обвалы». Очень воодушевляющее предупреждение!

Вздыхнув и кинув прощальный взгляд назад, Гэрри дви-

нулся вслед за Хмельком. Тот уже порядком обогнал товарища, не переживая на тему кромешной тьмы вокруг. Гномы прекрасно ориентируются под землёй и лучше видят в темноте. Не то, что «криворукие человеки». Вновь начался спуск. Вдоль стен потянулись укрепляющие столбы, потолок запестрел балками, и вскоре они достигли пункта назначения. Месторождение представляло из себя пятёрку небольших пещер, объединённых одной покрупнее, в которую вёл единственный тоннель. Все пять пещер вели к разным забоям, полным как убогими рудами, так и богатыми. Но, так как рабочих рук не хватало, Гэрри и Хмелёк работали в пещерке номер пять – самой дальней от входа. Уже на месте Гэрри скинул сумку, размял ноющую спину, заправил лампу и, повесив её на штырь в стене, начал копаться в сумке.

– Эй, Трутень, чего потерял?

Хмелёк, освободив плечи, делал зарядку, причём очень странную. Напоминало это что-то среднее между танцем и дракой с невидимым противником.

– Хочу позавтракать.

– Вот это я одобряю! – хмыкнул гном и, гаркнув, скорчил страшную физиономию. Во время его зарядки работали не только конечности и корпус, но также и лицо.

– Ху! Нормальной хоть еды собрали? Ха!

Гэрри кивнул и протянул гному кулек с пайком. Внутри оказался черствый хлеб, пара ломтей кровяной колбасы, плесневелый сыр и два варёных яйца. Завтракали молча. За-

пив трапезу крохотными глотками воды, напарники стали готовиться к работе. Достали кирки, каски, молотки и жестяные миски с ситом.

В углу с прошлой смены стояли большие деревянные ящики, пока что пустые. В то время, как Хмелёк скинул шахтёрскую куртку и оголил волосатый торс, Гэрри, наоборот, крепче запахнул свою и повязал на лицо шарф. На головы они надели жестяные каски с нишей для свечи и скатом под воск. В них вставлялись специальные свечи из аллор-воска, которые горели до шести часов. Надев перчатки и взяв кирки, напарники приступили к работе. Мерный ритмичный стук железа о камень был привычен слуху Гэрри. Это его успокаивало. Летела крошка, откалывались куски, иногда ценные, но чаще всего просто галька. Тело постепенно согревалось, мышцы наливались силой и беспокойство отступало. Спустя час Гэрри подлил масла в лампу и сел на пол.

– Я немного попишу, не против?

– Валяй! – кинул гном, не оборачиваясь.

Гэрри достал из сумки маленький дневник в кожаном переплёте, который однажды выиграл в карты. Дневник был хорошим – в корешке имелось отделение под перо и ёмкость под чернила с узенькой крышечкой. Грамоте он обучился, ещё будучи ребёнком в Сигнаритской приходской школе, куда ходил с младшей сестрой и старшим братом. В прошлом Гэрри не подмечал в себе склонность к писательству, но, проведя четыре года в заключении, привил себе эту привычку.

ку. Порой помогало не свихнуться.

Гэрри, как всегда, сперва пролистал дневник. Натолкнулся на автопортрет. С жёлтых страниц на него смотрел слегка угрюмый тип с правильными чертами лица. Широкий лоб, высокие скулы, узкий подбородок. Ровный нос и пристальные глаза. Да, рисунок получился хороший, достоверный. Разве что теперь стоило бы дорисовать мешки под глазами, длинные вьющиеся волосы и короткую бороду с усами ржавого цвета. А в остальном – копия.

– Эй, Трутень!

Гэрри моргнул и встряхнул головой.

– Ну-ка, подай мне воды. В жерле совсем пересохло!

Гэрри кивнул и потянулся к бочонку с водой. Напоив потного гнома, он вернулся к дневнику и перечитал последние записи. Он не вёл подробного отчёта – так, записывал забавные происшествия, свои мысли и то, что казалось ему интересным. Запечатлеть часть своей жизни казалось Гэрри заманчивой идеей. Перечитать всё это в старости и усмехнуться быломu. «Ну, а как же Хмелёк? – подумал Гэрри, глядя на работающего гнома. – Надо бы и про него черкнуть пару строк на память!» Гэрри извлёк перо и окунул кончик в ёмкость с чернилами.

«Маггот, по кличке Хмелёк. Рост пять футов, три дюйма. Вес навскидку – двести двадцать фунтов, но может быть, и все двести пятьдесят».

Гэрри взглянул на широкую волосатую спину гнома и по-

думал о том, что по контрабандистской привычке описывает товарища, как товар.

«Маггот низок, кряжист и бородат. Глаза у него маленькие, но умные, ярко-голубого цвета. Борода длинная, прямая и русая с огромными завитыми усищами. Хмелёк – мой первый настоящий товарищ на рудниках. Или, может быть, друг? Не знаю, как судить – у меня никогда не было друзей. Но ему я доверяю, он не предаст. Он – как кремень. Нет, не так (зачеркнул), как камень. Крепкой горной породы. Острый, бугристый, покрытый мышцами. Прямой и твердолобый. Многим он кажется сварливым. Наверняка все гномы сварливы. Но на самом деле Хмелёк не такой. Под землёй все – суровые, серые, твердые. Но на поверхности, там, где солнце, Хмелёк другой. Я, к своему стыду, признаю, что однажды следил за ним. И как-то раз я видел Хмелька одного в пуще меж сосен. Он сидел на пеньке и кормил белку остатками своего пайка. Поглаживал зверька толстыми огрубевшими пальцами и тихо пел себе под нос. А когда белка доела и убежала, он просто продолжал сидеть и улыбаться заходящему солнцу, болтая короткими ножищами, словно ребёнок. Признаюсь честно, я чуть слезу не пустил. И когда стал уходить, то всколыхнул ветку. Хмелёк сразу же вскочил, насутился, стал орать – кто здесь?! А я стыдливо сбежал. Наверное, если бы вышел – Хмелёк меня там бы и придушил...»

– Трутень, ау, я с кем разговариваю?!

Гэрри опустил блокнот, а прямо над ним всплыла борода-

тая, испачканная сажей, физиономия.

– Битый час тут уже ору, а ему хоть бы хны! Клянусь Титанами, мне стало интересно, чего это ты там постоянно калякаешь?

Хмелёк неожиданно вырвал дневник из рук Гэрри и уткнулся в него носом. «Ну всё, кранты! Сейчас прочтёт и оторвёт мне башку!» – подумал Гэрри, с опаской глядя на бубнящего Хмелька.

– Вот это да... – протянул гном, подняв глаза на Гэрри. – Я же говорил, у тебя руки из задницы растут!

Хмелёк захлопнул дневник и кинул его владельцу.

– У вас, людей, и так язык дебилный! А твои каляки так вообще разобрать невозможно. Тьфу!

Гэрри тихо выдохнул. Интересно, а откуда гном вообще знает семирийский? И умеет на нём читать? Он никогда не рассказывал, откуда он, и как сюда попал, но, судя по тому, что Гэрри слышал, Хмелёк отбывает на рудниках уже больше тридцати лет. Его тут все знают.

– Я говорю, осёл ты глухой, что лампа вот-вот погаснет! Замени давай. Не люблю работать в потёмках.

Гэрри послушно поднялся, убрал дневник и подлил масла в лампу.

– Может того, порубаем? – гном уселся возле большого валуна и развалился на нём, словно это был гамак.

– Можно и поесть.

Гэрри извлёк из сумки воду, свёртки с едой, разложил все.

После перекуса Хмелёк, всё также вальяжно развалившись, закурил трубку. Курить в шахтах было запрещено, но только не для Хмелька. Гэрри нравилось, когда гном курил. Сладковатый запах табака и выющиеся кольца дыма напоминали ему о свободе.

– Чего ты сегодня тихушный такой? – поинтересовался гном, выпуская облако дыма.

– Да так... Никак не могу выкинуть из головы эту болтовню о проклятье.

– Мол, штрек номер тридцать три – дурное место?

– Ага.

– Фи! Нашёл, чего бояться. Не дрейфь, салага! Пока с тобой дядя Хмелёк – ни одна пакость к нам не сунется. А коли сунется, я ей как дам разок меж рогов – до самых недр земли покатится, хе-хе.

В доказательство Хмелёк продемонстрировал пудовый кулак.

– Надеюсь.

Гном выбил трубку и закричал:

– Вроде и работать надо, а чего-то так не хочется.

Гэрри пожал плечами, после чего аккуратно поинтересовался:

– Слушай, Хмелёк. А как ты думаешь, куда пропадают люди?

– На волю сбегают! – хихикнул гном. – А вообще, кирка их разберёт. Но здесь точно не всё ладно. Я это кожей чув-

ствуую. Слышал про Чёрного Шахтёра?

Гэрри помотал головой.

– Ну, тогда слушай, – гном прочистил горло. – Работал здесь когда-то один каторжник Шульберд. Знавал я его лично. Так себе был тип. Тихий вроде, неприметный. Но пако-сти исподтишка строил, крысёныш. Забивал людей киркой до смерти, после чего присваивал себе их вещи. А тела пря-тал. Ну, сам же понимаешь, здесь каторжников много. По-пробуй узнай, кто мерзость творит. Ну, мы и узнали. И по-тихому его, того... тюкнули. Тело в итоге сбросили в пу-стую шахту и обвалили её. Мол, так само по себе вышло. Воцарилась у нас тут опять тишина да покой. Вот ток аукну-лось всё это дело через много лет. Люди опять стали пропа-дать. Мы уж думали, новый, что ли, злодей завёлся? Вычис-ляли... А потом случился обвал. Там, наверху, даже разби-раться не стали. Обвал и обвал – здесь такое бывает. Только выжил там паренёк один, правда, умишком тронулся. Лепе-тал всё про старого шахтёра в лохмотьях. Пришел этот шах-тёр к ним из ниоткуда прям перед самым обвалом. И гово-рит: «Милок, подай старику воды». Ну, тот малец и вышел к нему с бурдюком. А тут, бац! Слышит – грохот! Обора-чивается, а весь забой завалило вместе с бригадой. А ста-рик улыбается, за воду его благодарит. И, мол, у старика то-го двух зубов передних нет. И бородка такая плешивая. Тот малец бросился к завалу, забился в истерике. Орёт – зови на помощь, там люди! А старик лишь смеётся. Малец рас-

свирипел, подлетел к нему, схватил за грудки. Мол, что же ты, хрыч старый, кудахчешь, тут же люди погибли! А тут глаза старикашки как засверкали светом жёлтым, нечеловеческим таким. Перестал он лыбиться, да прошипел парнишке в лицо: «Они свою участь сами заслужили!». А потом исчез. В воздухе растворился и напоследок из соседнего забоя ещё разок глазищами жёлтыми зыркнул. И всё. Не видели больше этого старика. А парнишка тот спустя месяц в старую шахту прыгнул да разбил себе башку о камни.

Хмелёк умолк, задумчиво глядя в никуда. Гэрри почувствовал, как по коже пробежала волна мурашек. Вокруг висела тягучая тишина, и хотелось прервать её хоть каким-нибудь звуком.

– А что дальше-то? – тихо спросил Гэрри.

– Дальше? – встряхнул головой гном. – Дальше люди стали пропадать. Вот мне только до сих пор одна вещь покоя не даёт.

– Какая?

– То, что Шульберд наш, покойный, тоже без двух зубов ходил. А теперь – угадай-ка сам, в каком штреке мы его тогда похоронили?

Гэрри не ответил. Вокруг словно потемнело и похолодало.

– Эхэй, Шульбееерд!

От неожиданно громкого крика Гэрри вздрогнул всем телом. Гном, сложив руки рупором у рта, набрал полную грудь воздуха:

– Вылезай, дурень старый, я тебе, крысе, ещё раз башку отвинчу!

– Башку отвинчу, башку отвинчу, башку отвинчу... – вторило эхо, гуляя по тёмным шахтам.

Гэрри подождал, пока эхо утихнет. Затем пристально взгляделся в темноту. Ничего. И никого. Страх сменился гневом.

– Хмелёк, твою мать, ты какого чёрта творишь?! – рыкнул Гэрри, оборачиваясь к гному, но рядом никого не было.

– Хмелёк? Эй, Хмелёк, завязывай! Хватит, не смешно!

Неожиданно погасла лампа. Мир вокруг Гэрри погрузился в кромешную тьму. Он вжался в стену. В груди гулко стучало сердце. Тут чьи-то руки схватили его за горло и сдавили стальными тисками.

– Ма... – просипел Гэрри, отбиваясь от невидимого врага и скребя ногами по полу.

Грудь горела, воздуха мучительно не хватало. Он понял, что сейчас потеряет сознание. Вдруг его отпустили. Гэрри упал на пол и хрипло закашлялся. Рядом послышался кудахтающий смех. Загорелась лампа, разгоняя тьму. Её держал хохочущий во всю глотку Хмелёк. От смеха он даже пополам согнулся, утирая слезы:

– Как... Как ты мог поверить в этот бред?!

Гэрри, продолжая кашлять, привстал на четвереньки и обжёг Хмелька взглядом. Рука сама потянулась к спрятанной за поясом заточке, но Гэрри вовремя себя остановил. Это

был розыгрыш. Всего лишь шутка. Нормальные люди за такое не убивают. А он нормальный!

– Ох... ха-ха... ох... ладно, человечек, прости. Но я не мог тебя не разыграть. Это было выше моих сил!

Гэрри бухнулся на пол, налил себе полную чашку воды и залпом осушил её. Гном на цыпочках дотянулся до ниши, повесил лампу и подошёл к другу.

– Не сердчай. За тридцать лет надо учиться как-то развлекаться. А то крыша совсем тю-тю. Ну? Обиделся?

Гэрри, соврав, помотал головой. Хмелек потрепал его по голове.

– Ладно, с меня вечером бутыль красного. Так сказать, залить вину.

Поплевав на руки, гном взялся за кирку и двинулся к за лежам.

– Ты, если хочешь, поспи. Я тут закончу. К ужину разбужу!

Гэрри кивнул, хотя Хмелёк этого уже не видел. Он достал из сумки шерстяное одеяло, нашёл камень поровнее и, прислонившись к нему, завернулся по шею. Хотелось плакать. Но Гэрри проглотил ком в горле и попытался представить родную деревушку на берегу моря. Деревянные домики. Чайки. Они с братом, сестричкой и отцом идут рыбачить. Отец ещё жив, брата не поглотило море, а сестру не забрали люди из Ордена. И яркое солнышко играет в его рыжих волосах. Картинке мешал только равномерный стук откуда-то

со стороны. Но так даже лучше. Этот звук убаюкивал.

Хрясь. Хрясь. Хрясь...

– Эй! Трутень! Ау, тебе говорю! Вставай, проглоти тебя земля!

Кто-то сильно тряс его за плечо. Гэрри разлепил глаза.

– Ну, наконец-то! Ты, человечек, не поверишь!

Гэрри попытался вспомнить, где он. Ещё секунду назад он был мальцом и ужинал в своем доме наловленной днём рыбой. Отец рассказывал о хорошо идущих делах, старший брат под смех сестрѐнки пытался подлить ему в тарелку компот, а Гэрри не помнил, когда он последний раз был так счастлив. Перед глазами в бледном свете мельтешило бородастое лицо гнома. Гэрри ещё никогда не видел Хмелька столь взволнованным.

– Чего случилось-то? Время ужинать?

– Да забудь ты о своём брюхе хоть на время!

«Уж кто бы говорил», – подумал Гэрри.

– Я нашёл его! Не зря я просился в эту Титанами забытую шахту! Нашёл! Ты представляешь?! Ух, заживѐм теперь!

– Да кого? Кого ты там нашёл? – прохрипел Гэрри, отползая от гнома.

– От, дурная ваша раса! Руний я нашёл, кого же ещё.

– Руний?

Гном посмотрел на Гэрри, как на идиота. Затем покачал головой, попричитал себе под нос на кабутворде и вытянул кулак. Хмелёк разжал пальцы, и Гэрри увидел несколько кусочков золотисто-серебристого камня, каждый с фалангу пальца, не больше.

– И что это?

– Во даёт! Дать бы тебе в морду за такое. Это – Руний! Самая дорогая и редчайшая из пород – из всех, что только рождала мать земля!

Гэрри скептически посмотрел на напарника и сложил руки на груди.

– И почему я никогда не слышал об этом твоём Рунии?

– Да потому что башка у тебя дурная, говорю же!

– Так ты расскажешь что-нибудь или только орать будешь?

Гном с обожанием посмотрел на камушки. Затем стал рассказывать. Медленно, словно ребёнку.

– Этот материал мы, гномы, добываем у себя на родине глубоко в Железных Горах. Я никогда не слышал, чтобы хоть где-то ещё находили эту породу. Потому существование Руния хранится в секрете. Он используется практически во всех отраслях – от магии и алхимии до металлургии. Руний обладает уймой полезных и редких свойств и стоит бешеных деньжищ! Но главное достоинство Руния – это... клянусь Титанами, ты такого ещё не видел. Ща!

Хмелёк стал судорожно копаться в своей сумке и, нако-

нец, выудил железный тубус для чертежей. Свинтив крышечку и вытряхнув чертежи прямо наземь, гном отломал маленький кусочек от одного из камушков и, размяв его пальцами в пыль, засыпал её прямо в тубус.

– Смотри!

Гэрри посмотрел в жерло направленной на него трубки. Внутри что-то засверкало ярким золотистым светом. Словно искры от кремня, только в тысячу раз ярче! Гэрри ойкнул и дёрнулся в сторону, и вовремя. Из тубуса с грохотом вырвалось облако сияющей пылицы, а из облака сгусток золотисто-серебряного огня! Сияющий росчерк со скоростью стрелы пронёсся сквозь пещеру. Громыкнуло, вспыхнуло и стихло. Перед тем, как вспышка погасла, Гэрри увидел в стене пещеры дыру размером с его голову.

– Видал? – гордо вскинул голову Хмелёк.

– Это... это... это просто чудо!

Гэрри бросился к гному и заставил его показать Руний ещё раз. Теперь камушки заиграли совершенно в ином свете.

– Как? Как это возможно? Как оно работает? – сыпал вопросами Гэрри.

– Всё-всё, Трутень, угомонись! – гном сжал кулак с рунием. – И послушай меня.

Гэрри не без усилий успокоился и кивнул. В человеческих и в гномьих глазах горело дикое возбуждение.

– Ты Руний не видел. Не знаешь о нем. И вообще, слыхом не слыхивал. Усёк?

Гэрри кивнул.

– Смотри у меня. Если хоть кому слово ляпнешь, я тебя зарюю!

– Да понял я, понял.

– Хорошо. Знай же: Руний – это сила. А там, где есть сила – там есть власть. У меня уже созрел дерзкий, но гениальный план. Человеку такого в жизни не придумать!

– Что за план?

– Не будем забегать вперёд, но, если вкратце, с Рунием можно будет использовать рунистрельное оружие.

– Рунистрельное?

– Ну ты, кусок гранитный, я тебе только что его проде-монстрировал!

– Ааа!

– Ага! Так, о чём я? Гном с рунистрелом – это огромная мощь! Один такой гном стоит целого батальона жалких людишек. А про эльфов с их веточками на верёвочках я вообще молчу, просто дети! Мы накопаем Руния, да побольше. Соберём вокруг себя самую доверенную братию. Будем при-сматриваться и набирать осторожно. Я смастерю рунистре-лов, и вооружим ими каждого! А потом, бац! – гном стук-нул кулаком о ладонь. – Выскочим наружу, да как перестре-ляем всех к ядрёной бабушке! Я про надсмотрщиков, если чё. И всё, власть на рудниках в наших руках!

Теперь Гэрри смотрел на Хмелька, как на идиота.

– Ты серьёзно?

– А, что, не похоже?

– Переворот?

– Ага.

– Да ты, наверное, головой ударился? Какой, к чёрту, переворот?! Это же самоубийство. Их там десятки!

– А нас – сотни.

– Они вооружены!

– Железками. А у нас будут рунистрелы!

– Это незаконно! Это... саботаж! Восстание! Нас всех перевешают!

– Если одолеют. Что вряд ли.

– Нет! – твёрдо мотнул головой Гэрри. – Извини, но нет. Я не буду в этом участвовать. Я хочу выйти на волю добропорядочным честным человеком. Я хочу семью и детей! Я уже поплатился за свои прошлые грехи. Второй раз не хочу... и не буду.

Хмелёк долго смотрел на Гэрри. Затем его лицо перекосило, и он заржал. Гэрри спокойно переждал очередной приступ смеха.

– Свобода? Да какая тут, в шахту, свобода, дурень ты наивный! Я здесь уже сорок шесть лет! Сорок шесть, понимаешь это?

– Но... но говорили, вроде, что ты тут тридцать...

– Кто говорил? Слушай больше! Я провёл в этом могильнике сорок шесть лет! При официальном постановлении вашего вонючего суда о двадцати годах на каторге. Никто, слы-

шишь меня, никто и никогда не покидал Самшитовые Рудники! У них найдётся тысяча причин продлить твой срок. И ты сгниёшь здесь, как сгнили остальные! Вот так вот. Понял?

Гэрри остолбенел. Нет, конечно, он слышал подобные шёпотки от других шахтёров, но думал, что всё это так, болтовня. Хмелёк же точно не стал бы его обманывать. Все мечты, надежды и желания обратились в прах. Никто и никогда не покидает Самшитовые Рудники. Это всё обман. Сказка. Блеф. Гэрри съёжился и поник, но ненадолго. Его быстро поглощал праведный гнев. На правительство, на суд, на королевство, на надсмотрщиков, вроде Горки! Он собирался честно отсидеть свой срок. А оказывается, это всё обман! Что ж, если обманывают его... Тогда и он не будет честен.

– Сколько тебе нужно времени? – глаза Гэрри полыхнули огнём, голос окреп. – Я в деле!

– Другой разговор! – гном с уверенностью в глазах посмотрел на Гэрри. – Руний я буду копать сам. А ты найдёшь нам людей. Я знаю, у тебя на них чуйка выработана. Сколотишь нам подпольную армию. И в нужный час... Гортуна станет первым независимым государством старого и нового света. Без Короля! Без Короны! Только свобода! Всем!

Вскоре ликование сменилось обсуждением плана. После чего Хмелёк двинулся к забою:

– Ладно, я за работу. А ты не лодырничай, а прикидывай, кого вербовать в первую очередь.

Гэрри кивнул и задумчиво поскрёб заросшую щеку. Кого же? С кого начать? Выбор должен быть предельно точным. Гэрри опустил взгляд и увидел под ногой брошенный гномом тубус. Поднял его, повертел в руках.

– Хмелёк. Есть ещё кусочек Руния?

– Ага! На камне, возле наших вещей, – крикнул гном, не оборачиваясь. – А тебе зачем?

– Да вот интересно стало, как же это всё работает...

Гэрри нашёл золотисто-серебристые камушки, взял один в руку и тщательно рассмотрел. Затем растёр кусочек руния между двумя пальцами, и тот удивительно легко превратился в мелкий песок. Песка получилось в разы больше, чем было во время демонстрации у Хмелька. Гэрри аккуратно насыпал его в трубку, когда рядом возник гном.

– Ты чего удумал? – Хмелёк сунул нос в тубус, а затем поднял прищуренные глаза на Гэрри. – Только не говори мне, что ты насыпал туда Руний!

– Да я чуть-чуть...

– Чуть-чуть по человеческим меркам – это сколько? – тихо процедил гном сквозь стиснутые зубы.

Неожиданно погасла лампа. Гэрри вздрогнул и крепко сжал тубус.

– Хмелёк? Опять?!

– Я дурак, что ли, по-твоему, два раза одно и то же чудить? Ветер, наверное.

– Какой, к чёрту, ветер под землей?

Гэрри осёкся. Он, кажется, даже забыл, как нужно дышать. В конце пещеры кто-то был. Два жёлтых глаза в темноте смотрели прямо на них.

– Хмелёк! – пискнул Гэрри, еле живой от страха. – Это... это же...

– Шульберд! – раздался рядом рык гнома.

Глаза стали медленно приближаться. Послышалось шарканье, сиплое дыхание и тихий каркающий смех.

– Ты же говорил, что это розыгрыш...

– Сегодня был розыгрыш. Но Шульберда мы и вправду когда-то похоронили.

Глаза приближались. Гэрри не мог сдвинуться с места. Холод. Сильный обжигающий холод проник в пещеру.

– Ну, Шульберд, держись! – рыкнул Хмелёк. – Иди сюда, собака недобитая! Теперь-то я вышибу из тебя душу!

Заорав во всю мощь, гном рванул в атаку. Вдруг боевой клич оборвался, и секунду спустя раздался глухой удар тела о стену. Глаза двинулись на Гэрри. Их разделяло не более трёх шагов, когда Гэрри заметил нарастающее сияние в тубусе и направил его жерло вперёд, крепко стиснув зубы. Золотистая вспышка вырвала из тьмы скрюченную фигуру, а затем ослепительно сверкнуло и резко бухнуло! Пещеру сотряс оглушительный гром! Гэрри отбросило назад, он упал и ударился головой. Вокруг стоял страшный гул, сотрясающий пещеру до самого основания.

Гэрри, еле соображая, готовый вот-вот потерять сознание,

с трудом встал на колени, тряхнул головой. По лбу стекали горячие капли, в глазах двоилось. Поднявшись на желеобразные ноги, Гэрри двинулся туда, где последний раз видел лампу. Под ногами ходуном ходил пол, потолок сыпал камнями и крошкой. Отыскав лампу, Гэрри зажёл её, увидел лежащего на боку Хмелька, а чуть дальше – обгоревшие останки. Держа перед собой едва горящую лампу, он двинулся к телу Шульберда.

Призрак шахтёра оказался вполне реальным человеком из плоти и крови. Грудную клетку от попадания Рунием разворотило на две обгоревшие половины, соединённые лишь в области таза; одну из рук оторвало по плечо. Лицо с пергаментной кожей и жидкой бородой застыло в зверином оскале, с ним произошли какие-то странные изменения, не поддающиеся описанию, но оно уже не принадлежало человеку.

Гэрри, не обращая внимания на обваливающийся потолок, склонился над покойником, когда глаза последнего неожиданно открылись. Полыхающие яркой желтизной буркала уставились на Гэрри. Тот застыл где и стоял, от ужаса не в силах пошевелить и пальцем.

– Ты... – просипел щербатым ртом Шульберд. – Тебе не удастся выбраться... Наверх к солнцу... Никому не удастся...

Оживший покойник вытянул оставшуюся руку, в которой был зажат камень, сияющий тем же нездоровым, желтым светом. Потолок пещеры, словно отзываясь на это действие,

взревел диким хрустом и пошёл трещинами. Сияющие глаза, вкупе с камнем, пленяли, гипнотизировали.

Внезапно свет в жёлтых глазах померк, рука безжизненно опала. На этот раз Шульберд, кажется, умер окончательно. Гэрри бессознательно вырвал из пальцев покойника уже не сияющий никаким светом камень, сунул его в карман и двинулся к Хмельку. С трудом перевернув гнома на спину, услышал тихое дыхание. Недолго думая, Гэрри зажал Хмельку нос и рот, надеясь разбудить. Потолок нещадно хрипел и плевался камнями, жить ему оставалось не больше пары минут.

«Что-то подсказывает мне, – на удивление спокойно подумал Гэрри, – что Хмелёк не очнётся. А значит, к жертвам штольни номер тридцать три, прибавятся ещё двое. Зато проклятья больше нет! Только об этом уже никто не узнает...»

– Прощай, Маггот, – прошептал Гэрри, уплывая в темноту, – ты был мне другом.

В ответ Хмелёк резко открыл глаза. Вот только на этот раз Гэрри не успел отскочить. Гномий кулак с размаху огрел его по голове и отправил в пустое и чёрное ничто.

Они сидели на траве, согретые лучами заходящего солнца.

– Хмелёк.

– Ну?

– Спасибо, что вытащил меня... Нас. Ну, ты понял.

– А, ладно, чего там. Без тебя было бы скучно.

Солнце было живым, светлым и очень тёплым. Незамени-

мым.

– Хмелёк.

– Чего ещё?

– Я вот сейчас первый раз в жизни задумался... Как же хорошо здесь. Под солнцем. И как плохо там, где его нет.

Хмелёк повернулся и взглянул на Гэрри с искренней улыбкой на бородатом лице.

– Даже не представляешь, насколько ты прав.

– Жаль, что штрек завалило. Руния больше нет. А идея была хорошей.

Хмелёк, встопорщив усищи, фыркнул и загадочно улыбнулся.

– Ну-ну, человече, не вешай нос. Поверь мне, мы с тобой ещё повоюем!

«Ты прав, друг мой, – подумал Гэрри, нащупав в кармане штанов таинственный и опасный, но, безусловно, хранящий в себе мистические силы камень. – Теперь-то уж точно повоюем...»

Глава Вторая

Когда безымянный старик закончил своё повествование, на стоянку опустилась проникновенная тишина. Какое-то время эта тишина – пережиток рассказанной истории, что оставила осадок в душе каждого, кто услышал, принял и прожил её вместе с героями – нарушалась лишь мерным потрескиванием головёшек. Но затем она была прервана одним из слушателей, который первым осмелился потревожить тот волшебный момент послевкусия хорошего сказа. А именно – гномом Газгу.

– От старикан, от это я понимаю! – Газгу вновь стукнул бедного Лодука по плечу и громко расхохотался. – История так история! А этот Хмелёк – явно нормальный типчик. Сразу видно, нашенской породы: и балбеса того человеческого вытащил из мрака, и сокровища земли обнаружил, и этому хрычу желтоглазому по репе настучал! Настоящий гном – это вам не хухры-мухры! Это – Сила, Могучесть, Смекалка и...

– Скромность, – подсказал Лодук, потирая отбитое плечо.

– И скромность, верно! – гном вновь стукнул лепра по плечу, даже не заметив подколки. – Мы, дети Титанов, знаем толк в таких вещах! Короче, хорошая сказочка была, добротная... Единственное, в чём ты прокололся, старый хрыч, так это в дружбе. Ну не поверю я в то, что такой кру-

тецкий гном, как этот ваш Хмелёк, стал бы дружить с таким слабаком, как Гэрри. Не, ну скажите же, люди? Они ведь ну совсем разных пород! Хмелёк – удалой смельчак и прирождённый воитель, каким и должен быть нормальный kabucer⁵! Ну, а человек? Испужался простецкой шутоньки с потухшим факелом! Мы в шахтах друг дружку постоянно подкальываем – и ничего! А этот Гэрри? Чуть портки не обделал! Ну, а когда потеха-то началась – кто первым рога обламывать этому гадкому гаду ринулся? А на воздух потом, после махача, кто кого вытащил? Вот вам и то-то же!

– Зато дядечка Гэрри чудовище прикончил! – громко заявила дочурка кузнеца, та самая, что совсем недавно карабкалась на велиманна. – А дядечка Хмелёк не помогал ему, а спать прилёг...

– Что-о-о? Да если бы не дядечка Хмелёк, то хрен бы этот ваш дядечка Гэрри солнечный свет ещё раз увидел! Об этом ты подумала, малявка?

– Подумала! А мама говорит, что все бородатые карлы только и делают, что пьют, а потом спят целыми днями...

– Глупости! Да если бы не бородатые карлы, то вы, человеки, вообще ни шиша не шарили бы в металлургии, горном промысле и таких науках, как... Пойдите... Это кого ты сейчас бородатыми карлами обозвала?!

Лодук сдавлено захихикал. Девчушка, сидя на коленях

⁵ Самоназвание гномов на кабутвурде – Kaboucere's. Производное от игры слов – Kabou – красивый + cereght – камень.

у матери, взмахнула хвостиками и показала «бородатому карлу» язык.

– Знаете ли, уважаемый господин гном, – внёс свою лепту профессор Айбиг, поправляя на крючковатом носу круглые и явно дорогие окуляры, – как утверждает стоустая молва, противоположности притягиваются. А молва, дама хоть и глупая, как студиозус во время каникул, но иногда всё же рождающая в своем чреве светлую мысль. То бишь, я к чему веду – бывает так, что нас тянет к таким людям, каковыми мы очень хотели бы стать, но, по тем или иным причинам, не имеем на то возможности. И в силу сих факторов мы, даже пускай и неосознанно, ищем именно таких побратимов. Но дабы не вдаваться в тавтологию, выражусь проще – друзья нужны всем. Ну а те, кто утверждает, что им лучше в одиночестве – аллопатические и элементарно заурядные в своих мыслях, лжецы. Посему не вижу ничего странного в подобном союзе.

– Чего?! Хорош уже ругаться, умник-заумник! Во словцо-то выдумал – алпопа... алопа... Тьфу! Короче, не знаю я ничего подобного! А знаю, что если бы ваш Хмелёк взаправду существовал, то он в жизни не снюхался бы с таким задохликом, как этот Гэрри-шмэрри...

– Однако же, – продолжил упорствовать профессор, – вы вот, например, выражаясь вашим языком, прекрасно «снюхались», с таким «задохликом», как представитель народа

Lephra's⁶. И считаете его своим другом. Однако лепры, как всем нам хорошо известно, славятся крайней миролюбивостью и спокойствием характеров. Что является ярким антиподом к характерным чертам представителей подгорного народа, именуемого Kaboucere's. То бишь к вам, уважаемый мастер гном. Прошу прощения за подобные эпитеты, господин Лодук.

– Да ничего, – тихо отозвался Лодук, опустив глаза. – Хотя, если быть честным, то немножечко даже обидно...

– Чего? Я вот с этим вот? Друзья?! – Газгу наигранно расхохотался. – Ха-ха! Да с чего ты взял, мудрила очкастый?

– Да хотя бы с того, что за всё время, пока звучала история, вы бедного господина Лодука раз двадцать стукнули по плечу, ещё столько же раз – пихнули в бок кулаком, а под конец, когда оказалось, что все живы, даже приобняли его на радостях. Из чего, методом дедуктивного мышления, следует, что вы, мастер Газгу, как мне подсказывает госпожа логика, питаете к господину Лодуку крайне дружественные чувства. Поспорите, уважаемый мастер гном?

Одноглазый брат Газгу, гном Рудгенбонтохт, заржал, как сивый мерин. Сам уважаемый мастер гном обратился камнем и пошёл пунцовыми пятнами. Лодук, покосившись на него, широко и даже немножечко виновато улыбнулся.

– Верить или не верить в услышанную историю дело ваше, друзья мои, – мудро подвёл итог спора старик-рассказ-

⁶ Лепры от кабутурда – Lephra's; дословно – веснушка.

чик. – Но настоящая дружба возникает в сердце, без вашего участия и даже несмотря на ваши схожести и различия. Дружке плевать на удаль иль трусость, на красоту иль отсутствие оной, на силу ума иль непомерную глупость. Наплевать ей и на цвет кожи, размер ушей и даже на принадлежность к иному племени. Сердце, зарождающее в себе дружескую любовь, само делает выбор, с кем дружить, а с кем – нет. Верно я говорю, Корвейн?

Сидящий на оголовье посоха ворон громко и протяжно каркнул. Заслушавшийся Тальес, встряхнув головой и, наконец, скинув с себя чары, покинул тот мир, в который окунула его рассказанная старцем история. Окинув хмурым взором компанию, ведущую живой и вполне дружеский спор, рыцарь небезосновательно пришёл к выводу, что идея отвлечь всех хорошим сказом была чудо, как хороша! Но тут же рыцарь заметил и другое: постепенно послекусие истории спало на нет, зато вот спор переходил из значения «дружеский» в значение «воинственный».

Теперь обиженный и поднятый на смех Газгу с крайней нелюбовью косился на продолжающего разглагольствовать умные речи профессора; его одноглазый брат Рудгенбонтохт решил поиграть в гляделки с одним из отдыхающих солдат, причём от отсутствия половины «игрового инструмента» гном явно не страдал; Лодук отчего-то погрустнел и затух; яларг и пара альхэ снова начали пожирать друг друга глазами; а велиманн, забыв про луну, с дружелюбной улыб-

кой поглядывал на бойкую дочурку кузнеца, которая теперь поигрывала подаренной им куколкой, и всей деревенской братии это явно не нравилось!

– Отец! Ты поведал нам достойную историю, – произнёс Тальес, приложив руку к груди. – За это я благодарю тебя и низко кланяюсь. Но будь добр сказать мне, нет ли у тебя ещё какого занимательного сказа?

– Сказку, сказку! – вновь загалдели деревенские детишки.

– Хочу про рыцаря! – заявил конопатый деревенский мальчишка. – Тока шоб у него меч был большущий! И конь белогривый! Без коня не буду слушать!

– А я хоцю пло плинцессу, – пролепетала его маленькая, такая же конопатая сестричка. – И плинца куласивого...

– Молчи, мелюзга! – заявил самый старший из сельских детишек, кареглазый и пухлощёкий мальчуган, выдавший уже двенадцать вёсен. – Про войнушку давай! Про то, как короли друг на друга с войском ходили!

– Не хоцю пло войнуську, – надула губы конопатая малышка и, скрестив ручонки на груди, уверенно добавила, – войнуська стласная, я буду плякать!

– А мне бы вот...

– Нет, глупости, лучше про...

– Сами дураки! Интересно будет о...

– Тихо вы, козявки! – зарычал рассвирепевший от всеобщего гомона

Газгу. – Я тоже много чего хочу! Например, гадить золо-

том! Однако ж,

в отличие от вас, я не кричу о том направо и налево!

Дети, конечно же, пропустили слова гнома мимо ушей. В этот момент дура-баба, жена кузнеца, отобрала у дочурки подаренную велиманном куклу и, словно чумную, зашвырнула её в кусты. Девчушка с хвостиками вновь заплакала. Хрипло каркнул ворон, будто бы обращая внимание старика на происходящее. И обратил ведь!

– Ну а ты, маленькая леди, – мягко обратился к девочке старик, – ты о чём хочешь послушать?

Девчушка тут же утёрла нос, захлопала глазами и, подумав, ответила:

– О тайнах.

– О тайнах? – удивился старик, но лишь на мгновение. – Что ж, как пожелаете, маленькая леди! Есть у меня одна история, как раз-таки о самых что ни на есть тайных тайнах. Готовы ли вы услышать её, добрые люди?

Добрые люди и неупомянутые нелюди были не готовы, поэтому Тальесу пришлось подолбить черпаком о борт походного котла. От громкого медного стука, галдящий народ заткнул уши и скривился, но осознав, в чём причина сей канонады, благоразумно заткнулся и приготовился слушать. Старик почесал жиденькую бородку, взглянул на ворона, и очень тихо, с нарастающей живостью во вкрадчивом голосе, начал свой рассказ:

– В одном далёком-предалёком королевстве много-мно-

го лет назад жил да был один Лес. Да не простой был этот Лес, а разумный и живой. Людей он страшно не любил, а всё потому, что люди глупостью своею его утомляли. Называли они этот лес Краэннмаром. На человеческом языке это слово означает – Хранящий Тайны. Имя такое, необычное, было дано лесу древним и знающим многое народом, который жил в тех землях задолго до пришествия людей. Так вот однажды занесло как-то в этот лес одного охотника по имени Нэй. Охотником он тоже ведь был непростым – не на зверюшку лесную ходил или на птицу певчую, а на самых настоящих чудовищ и проклятых богами колдунов он охотился, людей добрых от зла защищал. В тот день карты судьбы легли так, что Нэю пришлось биться не с теми гадами, что во тьме обитают, а с гадами, кои примерили на себя облик человеческий, но сохранили чудовищность в сердцах. Силён и крепок был Охотник Нэй, пускай и не молод, зато мудростью отличался и добротой безграничной в сердце. После битвы неравной убежал он от Охоты Страшной, теми человекоподобными чудищами за ним устроенной. И привела его дорога недобрая к древнему, как сам мир, таинственному и глухому лесу, имя которому – Краэннмар...

Рассвет на пути к вечности

Арс – Шёпот ветра

Анд – Зов праха

Поверье Древних

Яркое солнце жжёт глаза. Пыль вьётся клубами. Копыта выбивают чёткую дробь. Бешеный стук сердца в груди... То самое непередаваемое чувство полёта, когда крылья за спиной расправились, и, зачерпнув воздух, вознесли тебя над землёй. Свобода в чистом виде.

Топот копыт и свист ветра в ушах услаждали его слух. Он шурился на ярком солнце, дышал полной грудью и мчался вперёд – туда, откуда доносился шёпот ветра. Проносящиеся мимо деревья сливались в тёмно-зелёное пятно, они словно оглядывались и кричали ему вслед: «Постой! Куда же ты так спешишь?» Но он их не слышал. Только вперёд...

Анд дарует свободу.

Всадник мчался по просёлочной дороге, пригнувшись к шее коня, сжимая одной рукой поводья, а другой – гриву. Он не оглядывался, будто за ним гналась сама смерть. Он знал, что преследователи близко, что они уже нагоняют его. Конь захрипел. Натянув поводья, всадник резко остановил скакуна и спрыгнул на землю.

– Давай, дружок, – шепнул он на ухо коню. – Не подведи. Похлопав благородное животное по шее, Нэй размахнул-

ся и шлёпнул коня по крупу. Ещё секунду охотник провожал взглядом уносящегося прочь скакуна, а затем нырнул в лес. Сделав несколько шагов вглубь, он зашёл за дерево и прильнул спиной к широкому стволу. Затаив дыхание, Нэй слышал нарастающий топот множества копыт. Группа всадников пронеслась мимо, даже не взглянув в сторону леса, оставив после себя вздымающиеся клубы пыли на дороге. Охотник выдохнул и расслабил напряжённые мышцы. Он посмотрел в чащу леса и словно услышал зов из его глубин.

«Не может быть! – промелькнуло в голове у Нэя. – Неужели это...»

Это был Краэннмар.

«Ну и дурак же ты, Нэй, – подумал он. – Знал ведь, что всё этим кончится.»

Анд не ведает имен и титулов.

Нэй из Сат-Килина, один из братьев ордена Охотников за Нечистью, прожил долгую и полную ярких событий жизнь. Он скитался по свету, защищая людей от порождений тьмы. Без страха вступал в битвы с тварями из ночных кошмаров и выходил победителем. Знал настоящую любовь и горечь утраты. Он даже, чёрт побери, помогал принцам, дружил с королями и прошёл через две войны! Но то было давно...

Когда-то Нэй уже был в этом лесу и смог выбраться жи-

вым и невредимым. Не многие могли похвастаться такой удачей. Как говорили в народе: «Вошедший в Краэннмар остаётся там навсегда». Лес на севере провинции Бриттоль не зря пользовался дурной славой. Нэй знал это лучше многих. За долгие годы люди привыкают даже к ночному кошмару, живущему под боком. Но войти туда по собственной воле мог только безумец. Ведь каждый, даже самый недалёкий человек, знал одно – этот лес живой. Он пожирает тех, кто осмелится переступить его границы.

Десять лет назад Нэй волею судьбы оказался в Краэннмаре, где встретил Вечную – душу леса, существо, стоящее выше понимания простых смертных. Она изменила его жизнь раз и навсегда. Заставила поверить в мудрость предков и в слова древнего, как сам мир, поверья. Она показала ему его смерть.

Анд явит себя в нужный час.

Древние верили, что у каждой жизни есть много судеб, много дорог, но настоящую, истинную судьбу встречали лишь единицы. Выбрать верный путь – вот удел каждого. Большинство смертных проживали не свои жизни, шли не своими тропами и приходили не к своим закатам. Так считали древние. А знаки, которые указывали на правильный путь, они называли Арс и Анд. Первый – поворот, меняющий жизнь раз и навсегда, после которого она уже никогда

не будет прежней. Дальнейший путь, единственный и верный, будет путём истинной судьбы, что ждала того, кто отыщет свой Арс. Второго знака страшились, но принимали его, как должное, с низким поклоном. Знак конца пути, после которого уже не будет ничего. Последний поворот на пути жизни. Анд – знание собственной смерти, печать рока и тяжкая ноша. Тот, кто сумел отыскать и почувствовать свой Арс, увидеть и познать свой Анд, уже не сомневался – оно произойдёт. Через день, месяц, год, десятилетие. Неважно, когда, но обязательно произойдёт.

Анд знает, когда ему быть.

Нэй знал, что этот день настанет. Каждое утро он встречал первые лучи солнца с этим знанием и с ним же засыпал под светом луны. Все эти десять лет он видел свой Анд повсюду: в тёмных лесах, что окружали небольшие сёла, куда он заезжал на ночлег или в поисках работы; в серых, искривлённых от страха и ненависти лицах крестьян, которые плевали ему вслед, осеняя себя Вечной Сигной; в кровавых закатах, за которыми следовали бесконечные чёрные ночи, чья тьма скрывала многие ужасы. Везде он видел одно и то же: печать Краэннмара – леса, что преследует его и когда-нибудь догонит. Спустия столько лет, лес, наконец-то, победил.

Анд, как тень – следует за тобой повсюду.

Нэй помнил день, когда он увидел свой Анд так хорошо, словно это было вчера. Маленькая девочка посреди тёмного леса. Вечная. Её глаза закрыты. Рот – чёрный провал, в котором нет ни зубов, ни языка. Губы не шевелятся, даже когда она говорит.

– Вы не оставляете мне выбора... – звучит в его голове голос Вечной.

Она открывает глаза. Нэй видит в её глазах лес, прекрасный осенний лес, который купается в золотых и алых красках. Нэй видит Охотника за Нечистью. Он одет в тяжёлый кожаный плащ с высоким воротником и длинными полами; его голову укрывает выцветшая чёрная шляпа с широкими полями и вороньим пером; ноги, обутые в сношенные сапоги со шпорами, мягко ступают по усеянной листвой земле. Охотник стар и умудрён годами, это видно по его глазам тёмно-серого металлического цвета. Его лицо с мягкими аккуратными чертами не выглядит лицом старика, как и волосы цвета перца с солью, что выбиваются из-под старой шляпы. Охотник выглядит мужчиной в самом расцвете сил. Но внутри он глубокий старец, разменявший седьмой десяток, хоть и не разлюбивший жизнь. Нэй видит самого себя. Видит, как он входит в этот дивный лес и скрывается в золотой листве, чтобы стать частью этого леса. Чтобы никогда уже не вернуться и остаться в Краэннмаре. Навсегда.

Анд ответит на вопрос «Как»?

Анд не даст ответа на вопрос «Когда»?

Нэй стоял в лесу. Десять лет пролетели, как один день. Он слышал топот копыт, слышал крики удаляющихся всадников. Он мог бы выйти из леса, но зачем? Пускай каким-то чудом он избежал бы смерти от их рук, но всё одно – Нэй знал, что вернётся сюда. Ему чертовски надоело убегать. Нэй не чувствовал страха, не чувствовал жалости к утраченным годам, он чувствовал лишь усталость. Перед ним стоял лес – мир широких крон, переплетённых веток и шелеста ветра в листве. Мир тьмы, куда не достают лучи солнца. Мир, который гнался за ним так долго.

– Ты был прав, друг мой Хэдвин, – прошептал Нэй, улыбаясь. – Ожидание смерти гораздо хуже самой смерти.

Нэй гордо вскинул подбородок и пошёл вглубь леса. Всё происходило точно так, как он и видел в глазах Вечной: по земле стелилась молочная дымка, она оплетала ноги, словно пытаясь ускорить его шаг; спелая трава обернулась ковром из опавшей листвы; деревья скинули летнюю зелень, сменив её на золотисто-красный покров; все звуки вмиг исчезли, а на их место пришла совершенная тишина, нарушаемая едва слышным хрустом листвы под мягкой поступью охотника. Нэй шел вперёд и чувствовал холод, охватывающий его тело, он знал, что сейчас умрёт, ведь смерть, вот она, совсем рядом – уже стоит за спиной, заслоняя солнце

непроглядной тенью.

«Одна радость, – думал Нэй, – наконец-то узнаю, что же там, за горизонтом».

Лес всасывал Нэя, как земля воду после длительной засухи. Воздух вокруг наливался светом. Охотник закрыл глаза. Земля начала уходить из-под ног, и сердце застучало в груди, как у загнанного зверя.

– Я готов.

Смерть являлась ему в ярком белом свете.

Анд стоит принимать с лёгким сердцем.

Нэй открыл глаза. Вокруг всё тот же осенний золотистый лес, но охотник был жив, он дышал, он чувствовал, как бьётся в груди его сердце!

«Всё же сошлось! – подумал он, – Судьба привела меня в Краэннмар, я же знаю. Нет, не судьба... Анд привёл. Если я уже мёртв, то смерть – скучна и глупа, как плюющая в колодец старуха...»

Нэй уверенно двинулся вперёд, в чашу. Глядя на древние могучие стволы, охотник размышлял о дороге жизни, что привела его в это место. Неожиданно, между деревьями проступили силуэты. Нэй присмотрелся и увидел себя.

Анд напомним тебе о том, кто ты есть.

Он видел череду событий – путь, который привёл его в Краэннмар...

...Нэй входит в старую таверну, он устал и измотан после долгой дороги. Всё, что он хочет – это поесть и выспаться. Хозяин таверны смотрит на него со страхом и неприязнью, так же, как и местные завсегдатаи. Нэй слышит шепотки: «мерзкое пугало», «прокажённый», «меченый». Так называет простой люд Охотников за спиной, но в лицо – никогда. Нэй садится за стол, ему приносят тарелку каши с кусочками мяса, в которых жира больше, чем мяса и стакан кислого вина. Нэй благодарит хозяина, но тот бормочет молитву себе под нос и уходит. Охотник ест в гордом одиночестве, чувствуя на себе с десятков настороженных взглядов. Если бы эту деревню доставала одна из порождённых Хаосом тварей, или скажем ведьма – да любой другой последователь тёмной ворожбы – местные приползли бы к нему на коленях, моля о помощи. Но эти люди, хвала богам, живут спокойно. Нэй не злится на них, он прекрасно понимает все тяготы и обездоленность крестьянской жизни. Пускай ненавидят, если им так легче. Дверь таверны открывается, и в зал заваливаются четверо солдат, все при мечах, все молодые и дерзкие. Они заказывают еды и выпивки, шутят и громко смеются, они ищут потехи. Один из солдат тащит молодую девушку из прислуги наверх по лестнице, и по его взгляду становится понятно, что парень сделает с ней всё, что пожелает. Она пла-

чет, умоляет о помощи. Её отец, хозяин таверны, пытается вступиться, но падает на пол с пробитой головой...

Конечно же, всё это не могло закончиться добром. Нэй знал, что следовало бы уйти, но он не мог позволить своему сердцу окаменеть. Этого он себе никогда не позволял. Когда Нэй двинулся к четырём солдатам, он не знал, что на улице их ждала ещё дюжина товарищей. Но даже если бы и знал, то всё равно поступил бы так, как поступил. Ведь он всю жизнь защищал людей от порождений Тьмы, даже когда они принимали человеческий облик. Так и началась эта длинная погоня, которая привела охотника в Краэннмар.

*Анд – всего лишь очередной поворот,
если принять его с мужеством.*

Нэй продолжал идти по лесу, всё глубже забредая в чащу. Лес купался в сочных и таких живых красках, что совершенно трезво в голову приходил вопрос – как это место может быть проклято? Как этот лес может забирать чужие жизни? Но ведь легенды и страхи не рождаются на пустом месте?

В очередном из просветов меж деревьями Нэй увидел фигуру. Остановился. Первый раз за долгое время охотник по-настоящему искренне улыбнулся. Пусть перед ним было всего лишь видение, но оно всё равно наполняло его сердце теплом...

...На Нэя смотрит друг, самый лучший и верный. Един-

ственный друг. Хэддвин гон Гельс, такой же охотник, которого Нэй когда-то привёл в Орден. Хэддвин стоит в свете между деревьев, спрятав руки в складках тяжёлого плаща и залихватски сдвинув шляпу на затылок. Он улыбается, и эта улыбка чертовски идёт его суровому, словно высеченному из камня, мрачному лицу.

– Как поживаешь, приятель? – бросает Хэддвин своим хриплым голосом.

– Уже не знаю, друг мой, – отвечает Нэй, – и поживаю ли вообще... мы так давно не виделись. Как видишь, я всё-таки попался.

Хэддвин машет рукой.

– Перестань скулить, как побитая дворняга! Мы с тобой из таких передраг выбирались, по сравнению с которыми эта прогулка по Краэннмару – просто заслуженный отдых. Так что давай, выше нос! Ну? Обещаешь не скулить больше?

– Хорошо, хорошо, обещаю, – смеётся Нэй, чувствуя, как становится легче на душе. – Ну, а ты как поживаешь, друг мой?

Хэддвин корчит кислую мину и пожимает плечами.

– Всё в порядке. – говорит он. – Ты только не останавливайся. Тебя ждут. И... не бойся.

– Не боюсь.

– Вот и славно!

Подняв на прощание руку, Нэй идёт дальше.

– Рад был тебя видеть! – доносится сзади крик Хэддвина.

на. – Береги себя!

– Ты тоже, друг мой, – прошептал Нэй, уходя от видения, – ты тоже...

Анд не ждёт страха.

Анд ждёт покорности.

Нэй был рад увидеть родное лицо, хоть и понимал, что настоящий Хэддвин сейчас далеко отсюда. Они действительно давно не виделись, последние годы Нэй занимался тем, что всегда был в пути. Он многое упустил в жизни, пока убегал. Охотник замедлил шаг, повстречав очередное видение: картину бредущего через лес Каравана...

...Всё выглядит очень чётко, даже создаётся впечатление, что можно подойти и дотронуться. Он видит то, что произошло десять лет тому назад в этом самом лесу. Мимо Нэя проезжают четыре фургона. С обеих сторон караван прикрывают вооружённые защитники. Нэй видит себя, видит идущего рядом Хэддвина, на их суровых лицах застыла настороженность, они готовы к бою. Лес тёмный и опасен, лес затаился и выжидает момент, когда сможет нанести роковой удар. Караван скрывается за деревьями, и охотник провожает его взглядом...

– Совсем скоро... – вспомнил Нэй. – Я помню, должно сломаться колесо фургона. Тот, ради кого мы были в лесу, слетит на землю и покатится вниз по склону, а мы с Хэддом

бросимся за ним. Там нас уже будет ждать она. Вечная. А меня будет ждать мой Анд.

Нэй окинул взглядом лес и двинулся дальше.

Анд не выбирают.

Анд принимают.

Нэй шёл по лесу, погружившись в свои мысли, когда следующее видение возникло так же неожиданно, как и предыдущие. Нэй остановился и завороченно всмотрелся на прекрасную картину из далёкого прошлого...

...Поле, укрытое луговыми тюльпанами, а в центре – одинокий дуб. Под его кронами они – Нэй и Лили. Она – прекрасней всех цветков, которые только рождала мать земля: рыжие волосы заплетены в толстую косу, на голове венчик из ромашек, а лёгкая белая туника подчёркивает всю красоту, все изгибы упругого девичьего тела. Лили смеётся. Ярко-зелёные глаза искрятся радостью, наполняя счастьем сердце Нэя. Они кружатся, держась за руки, вместе с ними кружится земля, кружится небо над головой, кружатся солнце и облака. В конце концов, они падают на мягкую траву, оглашая поляну громким смехом. Им кажется, что их любовь будет жить вечно...

Старый охотник смотрел на себя молодого, на ещё живую Лили и улыбался. По грубым морщинистым щекам стекали слёзы, Нэй не стыдился их. Какое-то время он просто стоял

и наслаждался картиной давно минувших дней, но, вспомнив о своем пути, оставил счастливую пару за спиной и пошёл дальше. Всё глубже в Краэннмар.

Анд напомнит о тех, кто тебе дорог.

Нэй углублялся в лес и видел всё больше отрывков из своей жизни. Какие-то были счастливыми, какие-то грустными: где он один, где он с товарищами, где он сражался, а где отдыхал, где мечтал, а где плакал. Картины из прошлого пробуждали в нём забытые чувства, и он радовался им, как радуются старым и верным друзьям. Эти картины были такие разные, но они все – его часть, кусочки одного длинного пути по имени Нэй.

Анд – не часть жизни.

Анд – её итог.

Одно из видений привлекло охотника больше остальных. Нэй остановился и замер. На него смотрел кошмар из прошлого. На него смотрел демон...

...Меж двух деревьев стоит тёмный силуэт мужчины, наполовину скрытый в тени. Он высок, крепок, с красивым лицом и волевым подбородком. Он смотрит на Нэя с холодной ненавистью из-под прищуренных век. Его глаза горят во тьме тёмно-синим сапфировым светом, словно две нор-

дических звезды, что упали с небес на дно морское. Охотник смотрит на демона, погоня за которым свела его с Хэд-двином почти сорок лет назад. На демона, от чьих рук пали близкие им люди и погибла единственная в жизни любовь Нэя. Синеглазый мужчина – отголосок прошлого – уже почти двадцать лет, как мёртв, по крайней мере в этом мире. Но Нэя всё равно пробирает холод. Синеглазый усмехается, словно говоря: «Рано радуешься, Охотник! Мы с тобой ещё не закончили...»

Нэй закрыл глаза, успокоился и, оставив морок за спиной, двинулся дальше по Краэннмару.

Анд – не повод сдаваться.

Анд – причина идти до конца.

Нэй уверенно шёл вперед, пока не увидел мираж деревушки, укрытой в низине цветущей долины. Он застыл, пожирая глазами видение и, понимая, что оно последнее...

...Небольшое озеро искрит и переливается, блики солнца отражаются от легкой ряби на воде. Светловолосый мальчуган, не больше семи лет от роду, стоит на берегу и запускает каменные блинчики, но те никак не желают прыгать больше одного-двух раз. Вскоре к нему подходит рослый крепкий мужчина с приятным лицом и добрыми глазами. Он опускается рядом, поднимает с земли плоский камушек, отводит руку и запускает его в озеро. Блинчик ска-

чет по воде, словно лягушонок – раз, второй, пятый! Мальчик восторженно кричит и прыгает вокруг мужчины, умоляя его повторить, но тот наигранно хмурится, берёт его за руку и указывает куда-то за спину. Поодаль, у небольшого домика стоит красивая женщина в простом крестьянском платье. Она машет им рукой. Мальчик в последний раз оборачивается на озеро, жмурится на солнце и, крепко сжимая руку отца, идёт домой к матери...

Нэй провожал взглядом удаляющиеся фигуры, не в силах пошевелиться. Он и не надеялся ещё хоть раз в жизни увидеть лица родителей. Неумолимое время стёрло их образы из его памяти. Лицо Нэя осветила улыбка. Он был благодарен Краэннмару за этот маленький подарок.

– Мама... Папа... – выдохнул охотник. – Как давно это было...

Анд – наставник. Он учит ценить время.

Секунду спустя, краски леса угасли, стали тише и мягче; деревья окутал лёгкий сумрак, словно чья-то рука повернула ручку и убавила свет в масляной лампе. Краэннмар покорно склонил ветки и кроны, застыв в глубоком уважительном поклоне.

– Приветствую тебя, о, Вечная... – сказал Нэй, не оборачиваясь. Он знал, кто стоял за его спиной. В голове, словно шёпот ветра в листве, прозвучал ровный мелодичный голос:

– Здравствуй, Нэй. Ты вернулся.

Нэй обернулся и опустил взгляд. Вечная стояла в пяти шагах, она была такой же, какой он её запомнил десять лет назад: маленькая девочка, ещё совсем ребёнок, не старше того мальчишки, которого он видел в своём последнем видении. Из прямых волос цвета высохшей листвы, которые обрамляли прекрасное детское личико, торчали чёрные беличьи ушки с кисточками. На хрупкое тельце накинута простая льняная рубаха, маленькие ножки босиком стояли на земле. Глаза Вечной были закрыты, но Нэй знал, что она видит его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.